

ЧЕРНЕЕ, ЧЕМ ТЕНИ

Ринордийский цикл. Книга II

Ксения Спынь

18+

Ринордийский цикл

Ксения Спынь

Чернее, чем тени.

Ринордийский цикл. Книга 2

«Автор»

2015

Спынь К. М.

Чернее, чем тени. Ринордийский цикл. Книга 2 / К. М. Спынь — «Автор», 2015 — (Ринордийский цикл)

ISBN 978-5-532-10009-1

Этот мир - другой. Нет, он не населён диковинными существами и канувшими в Лету народами: здесь лишь такие же люди, как мы. Можно считать его пространством сна, грёзы, где засевшие в памяти фигуры и приметы времён смешались в причудливый узор, иногда так похожий на нашу явь. Или попыткой пробраться на другой уровень - туда, где живут страхи, надежды и мечты. Или просто иным миром, в котором искривлённо отражается наш. В столице снова беспокойно: правительница, подмявшая всё под себя – люди, которым это не нравится – школьница, оказавшаяся в центре событий случайно... История о свободе и диктатуре обретает новые формы в новую эпоху, а немного обыденной мистики только придаст ей остроты.

ISBN 978-5-532-10009-1

© Спынь К. М., 2015

© Автор, 2015

Содержание

1.	6
2.	7
3.	10
4.	13
5.	16
6.	18
7.	21
8.	24
9.	28
10.	30
11.	32
12.	34
13.	38
14.	44
15.	46
16.	47
17.	50
18.	52
19.	54
20.	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ксения Спынь

Чернее, чем тени.

Ринордийский цикл. Книга 2

*Чёрные фары у соседних ворот,
Лютики, наручники, порванный рот.
Сколько раз, покотившись, моя голова
С переполненной плахи летела сюда,
Где Родина.
ДДТ, «Родина»*

*Ein Tänzer der die Stille wählt,
Geschichten, die man stumm erzählt,
Ein Feuer das nicht brennen will.
Der Traum von Freiheit irgendwann,
Die Schuld, die man ertragen kann,
Ein Licht das in der Nacht zerfällt.
Mantus, «Labyrinth der Zeit»¹*

¹ Танцор, который выбирает тишину, Истории, которые рассказывают молча, Огонь, который не хочет гореть. Мечта о свободе когда-нибудь, Вина, которую можно стерпеть, Свет, который исчезает в ночи. Mantus, «Лабиринт времени»

1.

День только занимался. Над перроном носилось гомонящее визгливое многоголосье, сотни ног мелькали туда и сюда – сталкиваясь, наступая друг на друга и исчезая.

Лаванда сошла с подножки вагона на ровно уложенную, но уже покоцанную плитку, неловко дёрнула за собой чемодан на колёсиках.

Город оглушил, и она остановилась было в растерянности, но толпа позади, кажется, была этим очень недовольна. Лаванда уловила ропот и поспешно двинулась вперёд. Наверно, тут всегда надо идти куда-то. Наверно, тут нельзя стоять на месте.

Её ещё покачивало после нескольких дней поездной тряски. От чемодана, похоже, отломилось одно колёсико, и он то и дело норовил завалиться набок. Лаванда упрямо не обращала на это внимания и, не поднимая глаз, шла вперёд. Удобнее всего было ориентироваться по жёлтой ограничительной линии по краю платформы: она была постоянна и не давала сбиться.

Вокруг толклись люди – люди, и люди, и люди. Так много людей. Обойти их было невозможно, но все они в итоге как-то огибали Лаванду сами и исчезали за спиной. Иногда от них долетали обрывки фраз – всё так же крикливо, а то и со злостью. Злости вообще было много. Она металась в воздухе между людьми и тоже не находила выхода. Впрочем, Лаванда не прислушивалась ни к ней, ни к отдельным словам.

Ещё одна тень выросла перед ней и почему-то не захотела сдвигаться и исчезать, как все остальные. Лаванда остановилась, упорно не поднимая взгляда, в надежде, что этому кому-то надоест и он освободит ей путь.

– Ну здравствуй, сестрёнка, – сказал сверху голос.

Лаванда подняла голову. Перед ней стоял высокий – намного выше её – молодой человек с тёмными щетинистыми волосами и странной безадресной насмешкой в чуть прищуренных глазах.

– А ты выросла, – добавил он.

Лаванда пригляделась, и смутно знакомые черты сложились наконец в единое целое: изумлённо она вспомнила, где раньше видела этого человека.

– Феликс!

Он улыбнулся и протянул ей руку:

– Добро пожаловать в Ринордийск.

2.

Феликс был её двоюродным братом и был на одиннадцать лет старше Лаванды. У неё со всей яркостью сохранились детские впечатления от этого человека, но они с Феликсом не виделись очень давно. Один раз он приезжал ненадолго в Юмоборск и попутно успел охать этот город, который, хоть и не отличался ничем особенным, как все новострой, но для заполярного пункта держался очень достойно. (Лаванда, впрочем, не обиделась тогда: не сказать, чтоб она сама когда-то любила Юмоборск. Город был хорош, но чужд ей).

Они довольно быстро оставили позади центральные проспекты – необъятные и грандиозные – и шли теперь по улицам, всё ещё широким, но попроще, – из центра те расходились к окраинам. Прохожие здесь попадались только изредка, и можно было разговаривать, не перекрикиваясь через чужие головы. Феликс (будто джентльмен!) сразу же перехватил у неё чемодан и теперь легко катил его по тротуару, притом умудрялся даже не заваливать набок, несмотря на сломанное колёсико.

– Так зачем всё-таки ты меня вызвал сюда? – Лаванда вспомнила про телеграмму.

– Ну, – Феликс махнул свободной рукой, – когда стало понятно, что расселять вас будут по соседним деревням, я подумал, а с какого, собственно, фи́га? Почему я не могу взять тебя сюда, в Ринордийск, раз уж мне повезло тут жить? Конечно, могу. Зачем же в таком случае тебе связываться со всеми этими аварийными амбарами, пайками по карточкам и прочей прелестью отечественной эвакуации...

– Но это, наверно, создаст тебе трудности, – заметила Лаванда.

– С чего бы вдруг? Я живу один.

– Не в этом дело. Не только в этом, я хотела сказать, – последние реплики отчего-то смутили её, а тут ещё надо было думать, как бы поаккуратнее выразить словами простую мысль: «тебе ведь придётся содержать меня».

– Я же нигде не смогу работать, – сказала Лаванда и прибавила тихо. – Я ведь даже не доучилась толком.

Феликс вдруг задумался, будто эти сведения были для него новостью.

– Мм, об этом я не подумал. Сколько тебе? Семнадцать?

– Шестнадцать.

Она помолчала, затем пробормотала осторожно, чтоб чисто информационную фразу не приняли за чёрную неблагодарность:

– Вроде бы эвакуантов обещали приписать куда-нибудь в экстренном порядке, но это же по спискам. А по спискам я где-то там, в Иржице...

– С этим тоже не надо связываться, – перебил Феликс. – Знаем мы эти приписки. Тихий ад.

Пока Лаванда раздумывала, не спросить ли, что именно он знает про приписки и как выглядит тихий ад, Феликс улыбнулся и перебил уже сам себя:

– Ничего, средства у меня есть, нам вполне хватит и на двоих. В крайнем случае... Да много есть вариантов. А ты, что касается школы... Сейчас дёргаться уже всё равно нет смысла, а к осени решишь сама, как тебе лучше – закончить эти полтора класса или там колледж какой-нибудь... В общем, на подумать у тебя ещё почти вся весна и целое лето.

– Угу, – кивнула Лаванда.

По правде говоря, ей едва ли хотелось что-то из этого выбирать, да и просто думать сейчас об этом. Вот бы не приходилось вообще никуда ходить, заниматься какими-то делами этого мира и своей маленькой, прозрачной до невидимости жизни: тогда можно было бы только грезнить наяву, только сидеть заворожённо и вглядываться в проплывающие образы нездешних миров – она называла их сферами, потому что они были такими обширными, безграничными,

что едва ли находились только в её голове. Да они просто не поместились бы там. Где они – Лаванда никогда не задумывалась. Может быть, где-то за небесами – далеко-далеко, куда не может проникнуть телесный человек собственной персоной. Если бы не приходилось отвлекаться от них, от тихого счастливого созерцания, на дела повседневности, ворчливо требующих всей ответственности. Но так можно было только очень давно – так давно, что, может быть, и никогда.

Но, по крайней мере, можно не думать о делах сейчас – когда вокруг всё вновь и занимает всё внимание. В воздухе ещё висели остатки утренней дымки. Солнце, проходя сквозь них, распалось песчинками, и из-за этого улица немного искрилась. Дома – не особо высокие, но длинные – выстраивались по обе стороны, справа и слева, и тянулись вдаль, туда, где улица, вдоволь наизгибавшись горбами, сливалась в одну точку.

– Если ты не замёрзла, пойдём пешком? – предложил Феликс. – Не люблю транспорт.

– Нет, тут тепло.

Он коротко рассмеялся:

– Ну, если *это*, по-твоему, тепло... А хотя да, ты же северная. «Девочка с севера, девочка ниоткуда», – вполголоса промурлыкал он. Лаванда сдержано улыбнулась.

Ей было, пожалуй, даже немного жарко в синтепоновой курточке, и Лаванда потянулась расстегнуть воротник, шуршащий вокруг шеи. Рукав отполз с запястья, выпустив на волю браслет из птичьих перьев.

Взгляд Феликса тут же уцепился за новый предмет.

– О, это что? Перья настоящие?

– Настоящие, – кивнула Лаванда. – Я сама его сделала. Вернее, делаю постепенно.

– Это как?

– Если я нахожу красивые перья, то вплетаю их в браслет. И так многие годы. С самого детства. В каждом новом месте оказываются другие птицы.

– Это что-то вроде оберега, да? – Лаванда удивлённо вскинула брови. – Ну, или амулета...

– Н-нет, – она покачала головой. – Его просто приятно носить. Он красивый... и успокаивает. Когда тревожно и непонятно, чего ожидать, приятно чувствовать, что он по-прежнему на руке.

– Ясно, – Феликс кивнул так, будто и вправду понял. Забавные у него всё же порой были выводы о причинах и целях всего вокруг.

Какое-то время прошли молча. Тишину, правда, уже гасили проезжавшие машины и резко прибавившие в числе пешеходы. В спешке они иногда спотыкались о трещины в асфальте и при этом забавно сердились.

– Сейчас придём, бросим твой чемодан, – вновь заговорил Феликс, – поедим чего-нибудь, а потом пойдём гулять.

– Хорошо.

– Или ты устала? – словно вдруг вспомнил он.

– Нет, мне хотелось бы на воздух, – после нескольких суток поезда и вправду хотелось – чтоб вспомнить и убедиться, что настоящий мир большой, а не ограничен тесными стенами, за которыми ничего.

– Отлично! – Феликс вновь взмахнул свободной рукой. – Значит, пойдём в парк. Кстати, как тебе престольная? – спросил он без перехода и пылливо уставился Лаванде в глаза.

– А?

– Как тебе Ринордийск?

Лаванде хотелось ответить что-то вроде «Ты знаешь, не в моём вкусе», но она понимала, насколько невежливо это бы прозвучало. Настолько невежливо, что даже добавленное «Но вообще ничего» не спасёт.

– Ты знаешь, я ещё не очень поняла, – сказала она вместо этого. – Надо присмотреться, познакомиться с городом поближе.

– Это ты успеешь! – рассмеялся Феликс. – Это я тебе обещаю.

3.

Они наскоро позавтракали яичницей с тостами, которые после трёх дней поезда при-
шлись весьма кстати, и вышли вновь.

Улица жила теперь увереннее. Золотистый свет, правда, исчез за то время, что они про-
были в помещении, только небо хмурилось свысока и молча накрывало сплетения проспектов,
перекрёстков с суетящимся движением и тонких, как паутинка, переулков. Временами ряды
домов вдруг расходились, улица прерывала на минуту бесконечный бег, и глазам открывалась
мощёная площадь или тенистая зелень какого-нибудь парка.

В Ринордийске, как заключила Лаванда, было множество парков, но Феликсу из них всех
приглянулся почему-то один, почти у самого центра – Турхмановский. Видимо, близость Глав-
ной площади придавала ему особый статус: он выглядел ухоженнее, чем большинство улиц и
скверов, видно было, что за ним следили. Большие кованые ворота, чёрной решёткой встаю-
щие в небо, были приоткрыты на одну створку и охотно пускали посетителей внутрь.

Людей за оградой, правда, ходило не так много: несколько там, несколько здесь, компа-
нией или парой, но чаще поодиночке. Они прогуливались бок о бок – кто не спеша, кто почти
вприпрыжку, – и, хотя они не были вместе и не знали друг друга, получалось, если замереть и
прислушаться, уловить тонкий-тонкий, едва различимый резонирующий гул. Это было как на
вокзале, только там люди кричали, а здесь молчали, оставляли слова мыслями, и носилась по
рядам здесь скорее не злость, а... что же, что же...

– Нравится парк? – сбил всё Феликс. Он будто хвастался чем-то.

– Тут красиво, – искренне ответила Лаванда. Высокие величественные деревья и вправду
нравились ей, даже без листвы. Они выглядели старыми и мудрыми, проводившими не одно
поколение приветственным колыханием ветвей.

– Считаешь? Тут красиво летом, – Феликс, прищурившись, огляделся, будто припоминал
что-то. – Когда включаются фонтаны.

– Фонтаны?

– Да. Идём, покажу. Сейчас, правда, тоже ничего, но летом – ни в какое сравнение. Тут
тогда всё блестит, сияет и много людей. Прямо праздник жизни.

Сойдя с асфальтовых дорожек, что огибали парк по краям, они углубились в тихую,
нетронутую пока сердцевину: здесь всё пронизали гравийные тропинки, а между ними при-
легла пожухшая прошлогодняя трава; местами ещё сохранился снег. Феликс указал на глубо-
кие траншеи, тут и там пересекающие землю. Изнутри они были выложены плиткой и метал-
лом.

– Вот, это фонтаны. На зиму их выключают. Они начинают работать только в конце
весны.

– Как много, – удивилась Лаванда.

– Это один большой, по сути, – пояснил Феликс. – Фонтаны переходят друг в друга и
замыкаются в одну систему. Когда правил Пихтарь, ему пришло в голову сделать из Турхма-
новского парка парк-фонтан, у него вообще была тяга ко всяким необычным штукам. Говорят,
эту идею он подсмотрел где-то за границей.

Теперь Лаванда увидела: и вправду, рытвины были соединены, перетекали одна в дру-
гую. Вот широкая пиала, а вот от неё отходит правильный прямоугольник. От него же каскад
ступенек поднимается ввысь, к большой плоской плите, а оттуда, наверно, вода устремляется
вниз, как с обрыва, и с грохотом разбивается о гладь пруда, взбаламучивает спокойную ширь и
тонет в ней. Но сейчас только неподвижные каменные уступы стояли здесь. Царили молчание
и дремлющий покой.

– Правда, – продолжал Феликс, – говорят, горожане не оценили результат: называли Пихтаря вредителем и самодуром. В парк почти перестали ходить, хотя это всегда было популярное место... Но указом Пихтаря тут всё равно продолжали всё поддерживать в идеальном порядке. Этот парк-фонтан у него был чем-то вроде идеи фикс. Впрочем, – он кинул взгляд на гуляющих людей, – кажется, нынешнее поколение не разделяет мнения предшественников.

За фонтаном – по ту сторону каскада и плоской плиты – виднелось старое здание, и вид его чем-то привлёк Лаванду. Оно стояло в глубине парка, среди зарослей кустов и, утратив, видимо, со временем все яркие краски, терялось в зеленоватых тенях. Но даже и так оставалось заметным, что когда-то оно было очень красивым.

– А что это за дом?

– Какой? – Феликс обернулся. – А. Это дэка.

– Что? – не поняла Лаванда.

– Дворец Культуры. «Дэ Ка» – сокращённо. Ну, то есть сейчас это давно уже никакой не дворец, но в прошлые века здесь часто собиралась творческая богема. Писатели, художники, музыканты... Устраивали тут сходки.

– Что, правда? А известные люди там бывали?

– И известные тоже. Никогда же не знаешь заранее, кто станет известным, а кто нет, – Феликс как-то странно всматривался в «дворец», будто видел что-то, чего там не было.

– Давай подойдём? – предложила Лаванда. Она и сама не знала, чем притягивает её старое здание, но почему-то очень хотелось оказаться ближе, погулять около него.

Феликс не возражал и даже как будто обрадовался. Подойдя, они остановились у широкого крыльца. Мраморные ступени в сетке трещин, будто шлейф платья, спускались к сухой траве; по бокам от них изломанной линией тянулись парапеты, а наверху, закрывая от взоров дверь вовнутрь, поддерживали скат крыши изящные колонны.

– А сейчас тут что-нибудь есть? – спросила Лаванда.

– Насколько я знаю, нет, – протянул Феликс. – Вроде одно время тут пробовали устроить музей, но что-то не пошло. Сейчас изредка используют для всяких выставок или чего-то в этом роде. Но большую часть времени здание пустует.

И правда, «дворец» явно был заброшен. Краска на стенах потрескалась, местами осыпалась штукатурка. Большинство окон были заставлены кусками картона или фанерой. Здесь давно не встречалось людей.

– А когда это было – когда они тут собирались? – поинтересовалась Лаванда.

– Это было их знаковое место из века в век, пока не пришло запустение, – чуть улыбнулся Феликс. – Последние встречи проходили, наверно, лет восемьдесят назад. Как раз в «чёрное время».

– А сейчас этого нельзя, да?

– Почему, можно. Просто это никому не надо.

Они примолкли. Лаванда оторвала взгляд от лестницы и фасада, обернулась и – что это? На момент ей показалось, что кусты шевелятся, что по гравийным дорожкам парка пронеслось лёгкое движение – и вот они, те, кто жили тут десятилетия назад; они все по-прежнему здесь – танцуют в закатном свете старинный вальс. Один только миг, а потом снова всё исчезло, и снова было пусто и молчаливо.

– Вот были тогда люди, – как-то мечтательно и в то же время с горечью пробормотал Феликс. – Не то что...

Он вдруг замолчал и с подчёркнуто жизнерадостным интересом начал осматриваться по сторонам.

– Не то что – что? – переспросила Лаванда.

– Ничего. Не обращай внимания.

Они не спеша двинулись обратно. Уже замаячил впереди выход из парка, но, проходя мимо собравшихся на асфальтовых дорожках людей, Лаванда притормозила. Сейчас (видимо, по контрасту с тишиной) особенно чётко стало слышно, что чуть заметный резонирующий гул невысказанных мыслей был, он не померещился. И то, что входило в резонанс, было...

Это была тревога.

Это была спешащая, отводящая быстрый взгляд тревога, за спешкой и брызжущей активностью скрывающая страх потерять в секунду всё. Это было желание успеть пожить на полную катушку сейчас, потому что потом будет только хуже: сомкнутся стены, закроются окна и двери и нельзя будет даже того, что всё ещё можно.

То же, – вспомнила Лаванда, – смутно было рассеяно и по всему городу, от окраинных улочек до главных проспектов, оно курилось над землёй и по домам и деревьям поднималось к нахмуренному небу. Но тут – вблизи от центра, в толпе людей – ощущалось отчётливее. Будто тень висела над Ринордийском.

Будто тень висела над душами людей.

– Феликс?

– Мм-да?

– А в Ринордийске всё спокойно?

Феликс взглянул одновременно с интересом и настороженностью:

– А почему ты спрашиваешь?

– Мне кажется... что-то не так с этим местом. И что-то не так с этими людьми. Вообще со всем городом. Как будто что-то угрожает. Что-то большое, тёмное. Как будто пока всё нормально, но оно выжидает.

– Ты тоже это чувствуешь? – быстро проговорил он.

– Да... Так оно и вправду есть? Это не кажется?

– Не кажется, – Феликс отвёл взгляд. Зачем-то быстро огляделся по сторонам. – В Ринордийске действительно не всё спокойно. Если хочешь, я тебе расскажу. Но только не здесь.

– Хочу, – закивала Лаванда. Конечно, она хотела. Кто откажется узнать тёмные пугающие тайны.

– Тогда пойдём к фонтану. Там безопаснее.

4.

Они прошли в дальнюю, совсем безлюдную сейчас часть парка. Котлованы и траншеи сходились здесь к одному огромному и глубокому круглому фонтану. В центре его возвышалась зеленоватая статуя: воинственная дева заносила меч над припавшей к земле и готовой к прыжку мантикорой. Наверно, этот вид поражал воображение, когда фигуры стояли начищенные до блеска и орошённые брызгами воды, но сейчас они были как старое воспоминание о величии и красоте.

Феликс присел на бортик фонтана, жестом пригласил Лаванду устроиться рядом.

Каменный бортик оказался довольно холодным, да и было вокруг странно, точно в брошенном на зиму городе, где никто не живёт.

– А почему тут? – спросила Лаванда.

– Здесь некому подслушивать. Летом тут толпы людей и говорить о чём-то небезопасно, но до того, как заработают фонтаны, сюда никто и не посмотрит. Зимой на это место вообще не обращают внимания.

Она невольно обернулась в поисках людей, которым зачем-то понадобилось подслушивать их разговор, но здесь и правда никого не было, кроме них двоих. Только прохладный ветер гулял в пожухшей стелящейся траве и над пустой чашей фонтана.

– Так ты хотел рассказать? – напомнила Лаванда.

– Да, – Феликс, казалось, собирался с мыслями и решался на что-то. Наконец он заговорил. – У нас всё не очень-то хорошо. Это из-за Нонине.

– Из-за чего?

– Софи Нонине, – повторил он, но, наверно, взгляд Лаванды выдавал, что понятнее ей не стало. – Правительница нашей страны, – и уже совсем удивлённо. – Ты что, не слышала?

– А! – вспомнила Лаванда и закивала. Это имя она, конечно же, слышала то тут, то там. – Да, разумеется, о Нонине я знаю. Но... причём тут она?

– А вот в этом всё и дело. Это я и собирался рассказать.

Софи Нонине пришла к власти около десяти лет назад. Лаванда тогда была совсем ребёнком, а кроме того, ещё не жила в Юмоборске, а значит, едва ли могла это помнить.

К тому времени страну уже много лет возглавлял Эдуард Чексин, несменяемый президент-узурпатор, окончательно в итоге доставший не только протестные массы, но и многих своих сторонников, а кроме того, успевший развязать войну на нескольких окраинах страны сразу. Поэтому все, казалось, вздохнули с облегчением, когда группа подпольщиков во главе с Нонине положила конец власти Чексина и после серии коротких, хоть и кровопролитных восстаний окончательно утвердилась наверху.

Софи стала законным президентом, её поддержали очень многие. Казалось, жизнь начала налаживаться. Но...

– Скажи-ка мне, Лав, – прервался Феликс. – До какого момента вы успели пройти историю? «Чёрное время» уже было?

– Это... – Лаванда попыталась вспомнить всю эту запутанную терминологию и связи её со смыслом. – Это когда был тоталитаризм, да?

– Да, демократический тоталитаризм так называемый. Тогда дальше, ты поймёшь...

...Но только показалось.

Начав со всенародной эйфории и небывалого подъёма страны, Нонине довольно быстро оборотилась другой стороной. Иногда казалось, что это просто реинкарнация Чексина пришла к власти, а никакой Софи Нонине, которая так нравилась всем, никогда и не было.

Первые звоночки раздались, когда спешно были прикрыты только успевшие открыть рты альтернативные газеты и телеканалы.

– Она перевела всё на госуправление, и сейчас все источники завязаны на неё. Кроме тех, что запрещены, разумеется. Так что у нас теперь только хорошие новости, – усмехнулся Феликс.

Дальше – больше. Похоже, для Софи было очень важно, чтобы все преисполнились сознанием величия страны: огромные средства тратились на свежеизобретённые «народные праздники», названия которых даже не сохранялись в памяти, и, без сомнения, эффектные, но явно не самые необходимые населению проекты, вроде подготовки шикарных международных соревнований или недостроенного по сию пору квартала небоскрёбов в Ринордийске. В школах вводились программы углублённого изучения истоков отечественного патриотизма – таково было полное официальное название... В повседневную же жизнь, с которой приходится сталкиваться каждый день, начало возвращаться – сначала осторожно, по краешкам, а потом вполне уверенно – привычное со времён Чексина запустение. Личная идея Нонине – так называемая ГГД, грандиозная дорога на сваях, пересекающая страну с запада на восток, – давно застряла где-то на полпути, в междугородье. Сверкающей лентой тянулась она сквозь вырубку и покосившиеся дома посёлков.

– А после переизбрания, – проговорил Феликс, – президентского поста ей стало, по видимому, мало. Наша Нонине объявила себя единоличной и абсолютной правительницей. И обращаться к ней теперь следовало «Ваше Величество».

– Она стала королевой? – удивилась Лаванда.

– Нет... Слово «королева» ей чем-то не понравилось. Просто – Правительница. Наша Правительница Софи Нонине. Это ведь так просто и понятно, разве может быть иначе.

Сразу после введения нового титула зашептались: Нонине то и дело сравнивали с основателем «демократического тоталитаризма», чей образ на века отпечатался в истории. Стронники её, впрочем, утверждали, что это бред: будь это действительно так, не очень-то получилось бы шептаться. Но что уж точно – Нонине неожиданно обнаружила страстную тягу к всевозможным запретам. Ей не нравились жилые дома ниже пяти этажей в высоту в городской черте (нерационально используется пространство), ей не нравились пробки для шампанского, вылетающие в незапланированном направлении, а заодно и вся стеклотара (нарушение техники безопасности), ей не нравилась любая символика, не зарегистрированная официально строго оговоренным порядком... Всё, что не нравилось Нонине, попадало под запрет и становилось вне закона.

Но больше всего она не любила неуважительные речи о своей персоне. Запрещались они теперь не только в официальных источниках, но и в частных разговорах. Была создана целая отслеживающая сеть, которая работала днём и ночью. Такое ощущение, по крайней мере, складывалось по результатам этой работы.

Поэтому недовольный шёпот был не особо громок, когда Нонине «запретила интернет» (на самом деле не совсем так, но официальный налог на любые устройства, имеющие доступ к сети, и неофициальное выдавливание всех операторов, кроме государственного – с чёрным списком и никакой связью, – сделали своё дело). И когда почти закрылись границы страны – ибо разрешение на выезд приходилось выпрашивать в частном порядке – тоже был молчок.

– А не опасно тогда говорить вот так, как мы сейчас? – Лаванда настороженно покосилась на отдалённые аллеи под ветвями деревьев.

– Здесь – нет, – мотнул головой Феликс. – Я же сказал, никто не будет тут подслушивать. Но вообще, конечно, нужно поосторожнее. Мне-то, судя по всему, хуже не станет, а вот чтоб это коснулось тебя, мне бы не хотелось.

– А что будет? – полюбопытствовала Лаванда.

– В первый раз, может, и ничего, – Феликс всматривался в сгущающиеся сумерки. – Да и в следующие разы не обязательно. У Нонине весьма странная логика мер воздействия. Но на всякий случай, чтоб ты знала, – люди, которые ей чем-то не нравятся, как правило, куда-то исчезают.

– Их расстреливают?

– Нет... – Феликс чуть заметно усмехнулся. – Иногда им фабрикуют какое-нибудь громкое обвинение и запирают в тюрьме. Но это редко. Чаще с ними случается какая-то фатальная неприятность. Обыкновенный несчастный случай, произошёл только очень вовремя, какое совпадение. Но обычно их просто больше никто никогда не видит.

Он обернулся на фонтан, кивнул на статую, что стояла в центре:

– Знаешь, что говорят про мантикору? Того, кто попался ей в лапы, она съедает целиком – с костями и одеждой. Поэтому если человек просто исчез и никто не знает, что с ним случилось, это значит, что его съела мантикора. Вот так.

Лаванда тоже невольно оглянулась на статую. Прекрасная дева-воительница в удивительном спокойствии возносила свой меч, но чудовищный лев с обезображенным человеческим лицом уже готов был прыгнуть и проглотить её в долю секунды. Мгновение застыло монетой на ребре. Ещё ничего не было решено.

Феликс поёжился и бросил взгляд на проглядывающие за деревьями кованые ворота.

– Темнеет уже, – заметил он. – Пойдём?

5.

В надвигавшейся темноте улицы выглядели совсем по-другому. Они теряли чёткость и направление, превращались в замысловатые загогулины и спирали.

Феликс, впрочем, шёл вполне уверенно – видимо, не раз проходил здесь и знал дорогу назубок, так что Лаванда следовала за ним чуть позади почти без опасений. Не останавливаясь, чтоб не отстать и не потеряться, она тем не менее крутила головой то направо, то налево. Всё ей казалось странным здесь, всё было внове.

Дома по краям улицы нависали громадинами – застывшие, безмолвные. Только их чёрные окна, казалось, равнодушно наблюдали за всеми, кто проходил мимо, следили, считывали.

– Кажется, как будто у домов есть глаза, – поделилась она представившимся ей вдруг так ярко, что можно было почти поверить.

– Мм?

– Нет... ничего.

Конечно, не стоило ему этого говорить: Феликс всё равно не увидел бы, это не подлежало сомнению. Люди вроде него всегда видят всё по сторонам, но никогда – в глубине.

И снова они шли в молчании. Лаванда гадала, действительно ли так и Феликс просто не замечает, или это ей чудится то, чего нет. Эти дома...

Они казались гораздо старше, чем им полагалось быть. Может быть, старше самого времени. Будто они стояли здесь вечно, глядя на проходивших, всё запоминая, храня всё бывшее на дне своих чёрных глаз и не вмешиваясь, никогда не вмешиваясь, только стоя неизменными гигантами.

Улица петляла между ними, как лабиринт. Возможно, сейчас, свернув в полутьме не туда, по ней можно случайно выйти в совсем другую эпоху, другие года... Хотя не всё ли равно в потёмках. Века, наслаивающиеся друг на друга, почти не отличаются один от другого, пятый от четвёртого, первый от последнего. У них на всех – одна дорога сквозь лабиринт.

Нет, Феликс просто не замечал – как обычный человек из плоти и крови, человек этого и только этого мира. Хотя вот шорохи – вполне здешние, всамделишные – наверняка должен был слышать. То тут, то там между домами проносилось движение: кто-то невидный перебежал, прятался, шуршал мусором и сухими листьями, что перезимовали под снегом.

– А кто это там? – снова спросила Лаванда.

– Где? – насторожился Феликс.

– Шуршат.

– А... Так крысы же.

– Крысы? – удивилась она. – Я не знала, что они бывают в больших городах.

– Как раз в больших городах больше всего крыс, – злобная усмешка чуть заметно скользнула по его губам. – Включая тех, что на самом верху.

Лаванда не поняла, о чём он, но что-то подсказало, что не стоит сейчас это уточнять.

Чем ближе к окраинам, тем более ветхими и заброшенными казались постройки. Стены их обветрились и торчали неуютно. Асфальт уже редко лежал ровно, а то дыбился горбом, то вдруг ухал из-под ног без предупреждения. Кусты и подстриженные деревца исчезли. Вместо красивых фонарей в небо вздымались столбы с лампами на вершинах. Половина из них не работала.

– Но в одиночку ты тут по ночам лучше не ходи, – предупредил Феликс.

– А с тобой можно?

– Со мной можно.

Лаванда сильно сомневалась в этом, но переубедить его не стала.

Вдруг острое ощущение чьего-то присутствия, чьего-то невидимого взгляда остановило её. Она быстро огляделась. Нет, ничего особого не видно, могло и показаться... Но Лаванда готова была поклясться, что здесь, на улице, есть кто-то третий.

В поисках неведомого соглядатая она пристальнее осмотрелась по сторонам. Как будто никого... Хотя нет: вон там, сбоку от дороги, в воздухе повисла какая-то огромная тень.

Лаванда остановилась, вглядываясь в неё, пытаясь разобраться и понять.

– Эй, ты чего там? – подал голос Феликс. – Не отставай.

– Что это? – она не отрывала взгляда от тени.

Феликс вернулся назад к ней.

– Где, это? Это памятник, ничего особенного.

– Памятник? – удивилась Лаванда. – Кому?

– Этому... Ну, как его, – Феликс взмахнул рукой, словно это помогло бы ему вспомнить. –

Который правил в «чёрное время»... Ну, ты меня поняла.

– А... – она кивнула. – Я думала, их все поносили.

– В основном снесли, конечно, – подтвердил Феликс. – Тем, кто помельче, вообще снесли полностью – Шмультнову, Миловицкому, Эрлину и прочим сволочам... А его памятников, наверно, было слишком много. Так что кое-где ещё остались, особенно на окраинах.

Феликс замолчал на момент, вгляделся в каменный силуэт. Затем негромко, но ядовито рассмеялся:

– Этот, наверно, оказался слишком большой. Всем влом с ним возиться. Пойдём? – он отвернулся и зашагал по дороге.

Лаванда ещё раз пристально всмотрелась в тень. Значит, всего лишь памятник...

Но нет, ей всё же не показалось. Она не знала, откуда ей известно, но была уверена. Оттуда, из тени, за ними наблюдали чьи-то глаза.

Лаванда медленно покачала головой:

– Там кто-то есть ещё. Кто-то кроме памятника.

– Это глюки. Пошли.

Наверху, укрывшись от случайного взгляда за огромной каменной ногой, стояла Софи Нонине.

Поплотнее запахнув плащ из крысиных шкурок, – на высоте холодно – с внимательной неприязнью всматривалась она в двух прохожих, что двигались вниз.

Парень – Феликс Шержвэдичев – был прояснён вдоль и поперёк и никакой актуальной угрозы не нёс, а кроме того, он, хоть и не догадывался об этом, был под полным контролем.

А вот девчонка...

Её Софи не знала, и это настораживало. Лет пятнадцати или шестнадцати, лицо неприятно детское, концы светлых волос нелепо болтаются чуть ниже ушей, синтепоновая куртейка, слишком лёгкая для погоды... Кто такая, откуда? Надо бы проверить архивы.

Да, надо бы, – кивнула она.

Что-то в незнакомке тревожило Софи.

Очень тревожило.

6.

Квартира у Феликса располагалась на втором этаже и была довольно вместительна – в две просторные комнаты.

В одной из них помещался большой письменный стол, в другой стоял маленький телевизор.

Феликс сразу заявил, что телевизор он почти не смотрит, потому что это зомбоящик и дурно влияет, но следом почти без паузы предложил посмотреть вместе: «иногда можно» и вообще «кое за чем всегда лучше следить».

Лаванда была совсем не против: в Юмоборске первое время был телевизор, но потом он сломался, а опекуны решили, что чинить его будет слишком дорого. Поэтому довольствовались радио.

Она с живым интересом уставилась на аппарат, когда выяснилось, что к нему необязательно подходить, чтобы включить или настроить канал. Нет, это был один из тех телевизоров, что управляются пультом: Лаванда видела такие в фильмах и рекламе, но никогда – вживую.

На засветившемся экране ярко-оранжевый поток вливался в огромный стакан, а подоспевший за картинкой голос как раз успел воспеть хвалу мандариновому соку «Чин-Чин». Но вот стакан пропал, и раздалась торжественная, летящая куда-то музыка. На экране завертелись и исчезли разноцветные шары и прозрачные сферы, и на их месте возникла девушка в чёрном офисном платье. Волосы – тоже чёрные – были аккуратно убраны назад, идеально ровный пробор пересекал их посередине.

– Здравствуйте, с вами «Главная линия» и Китти Башева.

– Китти Башева, – прыснула Лаванда. – Какое нелепое имя.

– Мм? – Феликс, казалось, вынырнул из каких-то своих мыслей, не связанных с передачей. – Думаешь?

– Нет, отдельно имя и фамилия звучат нормально, но вместе...

– А, это бывает, – Феликс тоже улыбнулся. – Мода на иностранные имена и всё такое... Сейчас вроде уже поветрие прошло, но среди наших двух-трёх поколений осталось немало жертв культурного смешения. Не всем повезло с фамилией, – он рассмеялся.

Девушка сидела за столом, и её тёмные глаза неотрывно смотрели прямо на зрителя. Перед ней на столе лежали какие-то бумаги, но она только изредка подсматривала в них, будто безошибочно знала, что и когда следует говорить. Она вообще почти не двигалась, а только говорила: губы, не изменяющие радушной улыбки, быстро шевелились и выпускали слово за словом, как бесконечную нить запутанного плетения. Смысл отдельных фраз ускользал, оставалась только уверенность, что всё идёт так, как надо.

– Она тоже ведущая? – поинтересовалась Лаванда. – Я её нигде раньше не видела...

– Ну... да. Она ведёт только «Главную линию». Это выпуски, которые исходят как бы лично от Нонине.

– Это как?

Феликс криво усмехнулся:

– Традиционный ежевечерний разговор матери народа со своими детьми. Сказка на ночь, если хочешь. Раньше Нонине появлялась на экране сама, когда желала что-то сказать, а теперь соизволяет показаться лично только в исключительных случаях. В остальное время за неё говорит кто-нибудь из её людей... Чаще всего Китти Башева. Но есть и другие.

– Может, она опасается камер? – предположила Лаванда.

– Скорее своего народа, – мрачно проговорил Феликс.

Лаванда вдруг поняла, что абсолютно не представляет Софи Нонине внешне. Только имя – случайный набор звуков, обозначающий именно этого человека, а не какого-нибудь другого.

– Но если её почти нет в телевизоре... Не боится ли она, что люди так вообще забудут, как она выглядит?

– Забудешь тут, – проворчал Феликс. – Ты разве не заметила?

– Что?

– Все эти агит-постеры на улицах, фото в эффектном антураже во всех газетах и журналах... Нужный образ растиражирован и впихивается в головы людям. Насколько это похоже на настоящую Нонине, уже никому не важно. Да вот хотя бы, – он поднял со стола газету и протянул Лаванде. – Взгляни, если так рвёшься её увидеть.

Лаванда с любопытством всмотрелась в небольшую фотографию на передовице.

Нет, эта женщина явно не собиралась ничего бояться. Лицо сильное, волевое, яркие глаза смотрят прямо в камеру. Высокий лоб, заострённый, немного хищный нос. Узкие, плотно сжатые губы чуть усмеваются самыми краешками. Часть тёмных волос собрана в кокон у затылка, остальные спадают гривой.

– Она так молодо выглядит, – удивилась Лаванда. Софи – Мать народа – представлялась ей женщиной уже скорее пожилой.

– Это не самая новая фотография, – отозвался Феликс. – Тут ей тридцать, а сейчас тридцать семь. Впрочем, она мало изменилась.

Лаванда ещё раз вгляделась в фото.

– А что это на ней такое?

– Это? Плащ из крысиных шкур. Сколько помню, она всегда только в нём и появлялась. Царская униформа, можно сказать.

– А зачем он ей?

– Понятия не имею. Думаю, только сама Нонине и знает. Но ей подходит. Соответствует действительности.

– Какой действительности? – не поняла Лаванда.

– Ну, она же крысиная королева, – Феликс поймал её недоумённый взгляд и пояснил. – Так её называют в народе.

Лаванда уже успела заметить, что у него был будто выработан рефлекс – презрительно фыркать и начинать говорить гадости каждый раз, как речь заходила о Нонине.

– За что ты её так ненавидишь, – тихо рассмеялась она. – Явно что-то личное.

– Личного нет, но, помимо всего прочего, мне по статусу положено.

– Почему?

– Потому что я оппозиционный журналист.

– Какой журналист? – не поняла Лаванда. Первое слово было ей знакомо только очень смутно.

– Оппозиция, – пояснил Феликс, – это, как бы объяснить... Ну, это люди, которые не согласны с тем, что делает официальная власть, которые противопоставляют себя ей.

– А! – догадалась Лаванда. – Ты революционер?

Феликс удивлённо посмотрел на неё, потом захихикал, зажав рот рукой. Он встал с места и заходил по комнате.

– Что? – не поняла Лаванда. – Что-то не так?

Феликс ещё долго не отвечал, только плечи его подёргивались от смеха. Наконец он вернулся к ней.

– Это ты хорошо сказала, – он значительно потряс пальцем. – На революционера я, конечно, не тяну... Но за комплимент спасибо.

Перестав наконец смеяться, он заговорил как будто даже грустно:

– Если б я был революционером, мы бы уже давно свергли Нонине. Но истинные борцы с тиранами остались в далёком прошлом. А я – только писака. Издаюсь в этой вот брошюрке, – он кивнул на лежавший на том же столе журнал.

– Так это же запрещено? – вспомнила она.

– А мы подпольно, – заявил Феликс с видом самой невинности. Затем засмеялся вновь. –

Так что смотри, Лав, быть моей кузиной довольно опасно. Не боишься?

Она разочаровывающе покачала головой:

– Нет.

7.

Здесь была она – Софи Нонине. Здесь было логово Волчонка и кабинет Её Величества. Она что-то писала или, скорее, раз за разом перезачёркивала уже написанное. Кедров обычно избегал смотреть в её бумаги – даже случайно, сидя рядом. Это было одно из негласных табу.

Сегодня Софи, похоже, находилась в хорошем расположении духа. Руки её не тянулись поминутно к сигаретам, взгляд был спокоен, а улыбка – как обычно, слегка насмешлива.

– В Ринордийске больше не шумят. Не так ли?

– Да. Кроме отдельных элементов, возмущений нет.

Софи недовольно и одновременно снисходительно поджала губы:

– Отдельные элементы есть всегда. Если не идти у них на поводу и вовремя принимать меры, когда их заносит, они ничему не мешают. Пошумят и угомонятся... Другое дело, если пытаться поговорить с ними как с людьми – так скоро самим придётся уходить в подполье. Успел уже соскучиться, Эндрю? – так давно повелось, что Софи кликала его на иностранный манер, хотя Кедров был просто Андреем.

– Мы ведь только оттуда, – Кедров позволил себе сдержанно улыбнуться. С Софи всегда приходилось балансировать между почтительным преклонением перед Правительницей и панибратством старых друзей – ей это нравилось.

Нонине рассмеялась.

– Я пока планирую конференцию на середину мая, – продолжила она затем. – Если всё действительно спокойно, её можно будет провести в открытом режиме, чтоб пришли все, кто хотят прийти, и спросили всё, что хотят спросить. Можно даже под открытым небом. Когда последний раз в Ринордийске были конференции под открытым небом? – она вопросительно прищурилась, будто и в самом деле забыла.

– Двадцать лет назад, – механически ответил Кедров. – Но, Софи, тебе не кажется, что это слишком?

– Слишком что? – взгляд её в мгновение стал колючим и цепким.

– Слишком небезопасно.

– Но ведь твои люди позаботятся об этом. Я права?

– Конечно, – кивнул он. Как многие другие вопросы Софи, этот имел только один правильный вариант ответа.

Нонине, услышав, коротко кивнула в ответ.

– Кроме того, необходимо усилить охрану по городу, – продолжила она. В голос вкрались капризные ноты. – Вчера наш давний знакомец заявился на вокзал, и его даже не проверили.

Софи говорила о Шержведичеве, который, похоже, вызывал у неё раздражение чисто рефлекторное. Кедров и сам относился крайне неприязненно к этому человеку, и безобидность журналиста казалась ему преувеличенной, но он никак не мог понять, что за странную игру ведёт с Шержведичевым Нонине. Считая его одним из главных своих врагов, она могла бы уничтожить его уже сотню раз, но почему-то не делала этого. Будто выжидала... чего?

Сомневаясь, чего конкретно она сейчас хочет, Кедров тем не менее убеждённо заговорил:

– Всё это время мои люди пристально следили за ним, и, уверяю, если бы в его действиях было хоть малейшее...

– Ладно, я поняла, – прервала Софи – так, будто это было вовсе не главное, и что-то гораздо важнее, гораздо выше и величественнее занимало её мысли.

– Я вытащила эту страну из пропасти, – негромко, но отчётливо заговорила она. – Я спасла её, когда она гибла, и не дала ей распасться. Поэтому теперь я имею право заправлять

всем, и они будут делать то, что я им скажу, а не то, что им захотелось. Я чувствую эту страну, как продолжение себя самой. Разве знает кто-то лучше меня, куда нам идти?

Этот взгляд... Он всегда несколько пугал Кедрова, да и вообще всех, кому приходилось замечать такой взгляд у Софи Нонине. Потому что это не был взгляд человека – существа нечеловеческого рода, более совершенного, мудрого и могущественного, чьи мысли текут не по земной логике, чьи чувства не могут быть понятны, чьи планы и решения предсказать невозможно. Что оно видит, оказавшись случайно в мире людей? Неудивительно, что угольный карандаш... Впрочем, об этом лучше не думать.

Минута – и вновь была земная Софи, Волчонок. Лицо её вернуло по-деловому весёлое выражение.

– А, вот ещё, – она выудила из кипы папок и бумаг на столе географическую карту. – Что там с ГГД?

ГГД – Главная Государственная Дорога – была текущей стройкой века и личным проектом самой Нонине, видимо, очень значимым для неё. Кедров вздохнул:

– Софи, ты же знаешь, это не по моей части.

– И всё же? – она внимательно смотрела на него.

Кедров подумал немного, мысленно подытоживая всё, что до него доходило.

– Насколько мне известно, с начала зимы она всё там же.

– Под Камфой?

– Да.

Софи недовольно нахмурилась:

– Плохо. Они что, совсем там не работают?

– Работают, но ландшафт не располагает. Приходится долго расчищать место.

Софи кивнула под свой стол, где в нише (как знал Кедров) хранилась небольшая гипсовая фигура:

– В его время ландшафт способствовал не больше, как я понимаю. Но у него как-то получилось.

– Тоже не полностью, Софи.

– Он просто не успел. А я собираюсь успеть.

В следующую секунду она уже стояла, склонившись над картой, и пристально всматривалась в нарисованные контуры под широко расставленными цепкими пальцами.

– Что если начать строить и с востока тоже? С самого побережья – и навстречу тем, первым. Тогда примерно в середине следующего лета они должны будут встретиться... примерно в середине же страны, – Нонине ткнула в карту. – Что думаешь?

– Думаю, это удачная идея.

– Разумеется. Можно будет даже устроить празднество в каком-нибудь из приозёрных городов, какой там окажется поближе. А под это дело объявить и о начале расцвета восточных регионов. По-моему, весьма к месту.

Кедров с видимым энтузиазмом кивнул.

Он не стал напоминать, что в эпоху правителя, на которого так любила кивать Софи, дорогу в приозерье строили ссыльные каторжники и в них не было недостатка, в отличие от наёмных рабочих.

Молчал он и о том, что после зимы, в которую работы почти не велись, дорога находилась не в лучшем состоянии. Насыпи частично размыло тающим снегом, многие доски прогнили, и требовалось их заменить. (Кто он, чтоб указывать Правительнице на непродуманность её проектов, видимую или действительную. В конце концов, это и вправду не по его части).

Ну а про то, что ни на какие восточные регионы просто не хватит бюджета страны, Софи и так наверняка знала прекрасно. Если казалось, что Софи Нонине не знает про что-то, это почти всегда значило: нет, конечно же, знает, только смотрит на это иначе, чем вы. Достаточно

будет объявить, что пришли тяжёлые времена, но мы справимся, как уже не раз справлялись, – а откуда выделить средства на задуманное, найдётся.

– Вот и отлично, – Софи провела красную жирную линию с востока на запад. Довольно посмотрела на то, что получилось. – Значит, решено. Можешь пока идти, Эндрю, я позову, если понадобится.

Кедрову хотелось было задать на прощание вопрос, который давно уже хотелось задать, из чистого любопытства: зачем всё-таки ей понадобилась именно деревянная дорога на сваях и ничто другое. Но в последний момент Кедров передумал. Это можно запросто спросить у хорошо знакомой и в доску своей Софи, но можно ли сейчас... Он не был уверен, а потому не рискнул. Может, как-нибудь потом.

Волчонок. Софи. Её Величество Софи Нонине.

Сложно было всё же понимать, что это один и тот же человек.

8.

В какой-то раз Лаванда попросила Феликса всё же дать ей прочитать его статьи – как он обещал. Феликс дал – с готовностью и, как показалось, даже с затаённой гордостью. Похоже (хоть этого и не было сказано напрямую), от неё, нового своего читателя, он ждал, что уж она-то оценит по достоинству его работу, вникнет во все тонкости и, подумав, во всём с ним согласится.

Лаванде и вправду было очень интересно. Она как раз достигла той степени вовлечённости, когда считать, что все эти политические дела не имеют значения и вообще не существуют, уже не получалось и хотелось, наконец, всё разъяснить для себя и разложить по полочкам.

Но, увы, статьи Феликса мало ей в этом помогли. Она прочитала их три штуки и, устав, уже несколько наискосок просмотрела четвёртую. Все они были из последних номеров «брошюрки» – журнала с тонкими просвечивающими листами, оформленными всё же с претензией. Под статьями, видимо, считая свою фамилию не лучшим образчиком запоминающегося названия, Феликс обозначал себя как «Шержень».

Без сомнений, писал «Шержень» абсолютно искренне и со знанием дела – ну, или с уверенностью в этом знании. Но раз за разом возникало чувство, что написано это было исключительно для «своих» – тех, кто в целом уже в курсе ситуации и кто в принципе придерживается похожих взглядов, кого не надо перетягивать на свою сторону. Феликс шутил, Феликс высмеивал и высмеивал жёстко, но ко всему этому, наверно, должен был прилагаться особый шифр в голове, который сделал бы понятными все эти шутки, намёки, все эти парафразы цитат и отсылки к некогда имевшим место событиям. Мельком брошенный эпитет – и сразу станет ясно, в чём проблема, почему всё так плохо и что именно плохо. Наверно, люди, находящиеся на одной волне с Феликсом, нашли бы в его статьях то, что искали. Но, к сожалению, не человек со стороны.

Потеряв цель и забыв, в чём она состояла, Лаванда отложила номера в сторону, на край дивана (впрочем, не закрывая их), и просто сидела теперь, смотрела в стену и мимоходом думала о чём-то, она даже не улавливала точно о чём. Старая привычка – вглядываясь вдаль, отключаться от всего окружающего – не покинула её и здесь. Стена поплыла перед глазами, рисунок обоев переплетался лентами, искажался и исчезал, видимое становилось прозрачным, отступало куда-то назад, терялось из виду...

Она летела над землёй – высоко-высоко.

Так высоко, что было неясно, где это и что вокруг, да и неважно вовсе. Выше птичьего полёта, выше самого неба, куда не ступают живые, ибо здесь нет им места. Только свет – бесконечный свет солнца, такого огромного, занимающего весь мир. Прянь вверх – и захлебнёшься светом, растворишься в тепле без остатка и тебя больше не будет.

(Лаванда так делала всего несколько раз за всю жизнь, и это были особые случаи).

Но сейчас – нет, сейчас ей туда не нужно. Лаванда мягко нырнула вниз и, открыв глаза, обозревала теперь землю под собой.

Там, далеко внизу, расстились бескрайние зелёные луга. Холм вставал за холмом, долина пролегла за долиной, они были так неизмеримо далеко, но всё же видна была каждая травинка, колышима ветром. Иногда от особо сильных порывов траву пригибало к земле, но через секунду она уже исчезала из поля зрения и оставалась где-то позади, а новая зелень новых холмов всё так же открывалась взору.

С севера повеяло холодом. Свежий воздух дышал морозом и солью и был так знаком, что Лаванда почти подалась ему навстречу, чтобы лететь туда, где, она знала, опадают холмы, теряет свою яркость зелень, а дальше, на самом краю земли вот-вот блеснёт полоска...

Нет, туда нельзя. Никогда нельзя. Даже если очень хочется. Даже так.

Лаванда помнила это и быстро повернула обратно. Память успокоилась и сейчас же всё забыла, как это уже бывало не раз. Главное ведь, что будет дальше, какие ещё причуды готовят зелёные луга, чьи ряды набегают, как волны. Пролети ещё немного – и увидишь воочию.

Там, за холмами, лежало что-то новое, чего не бывало прежде, – она знала это. Там, за холмами...

– Эй, Лав!

От звука голоса холмы исчезли, Лаванда открыла глаза. Феликс стоял рядом и смотрел как-то подозрительно, со скрываемой тревогой.

– А? Я просто задумалась, – после резкого скачка язык едва слушался.

– Что-то ты глубоко задумалась, – он в сомнении покачал головой.

– Да нет, всё нормально, – Лаванда повертела головой в поисках чего-нибудь, чем можно было бы подтвердить свои слова. Взгляд упал на раскрытые журналы. – Вот, я прочитала твои статьи.

Это моментально переключило Феликса.

– Да? И как тебе?

– Ну... – замялась Лаванда.

Феликс присел рядом на корточки, придвинул журналы поближе к себе и жадно заглядывал ей в глаза.

Лаванда попыталась быстро вспомнить и подобрать какие-нибудь универсальные приятные слова.

– Ты... пишешь действительно хорошо... – осторожно начала она, – и образно. Увлекательно. Но...

– Но?

Она подумала и всё-таки призналась:

– Я не всё поняла.

Кажется, по его лицу проскользнуло разочарование. Да, совершенно точно проскользнуло, хоть он и попытался всеми силами это скрыть.

– А что именно непонятно? – осведомился он бодрым тоном.

– Ну... Это не так просто сформулировать.

– Хорошо, – Феликс порывисто встал и улыбнулся. – Тогда скажи, как сформулируется, ага? Я буду в той комнате.

Он вышел.

Лаванда попробовала подвигаться, встать с дивана. После путешествий в сферы тело обычно было не в ладах с ней, казалось тяжёлым, неповоротливым, будто не своим. (Хорошо сидеть на прибрежном песке и без спешки приходиться в себя). Наконец руки и ноги вернулись к ней, и она обернулась теперь на двери комнаты.

Уже стемнело, и из кабинета Феликса пробивался неяркий свет – примерно как от телевизора. Но телевизор был здесь, в гостиной. Гадая, что это может быть, Лаванда подошла и заглянула туда.

Свет действительно шёл от экрана, но это был не телевизор. Станный агрегат помещался в нише шкафа за откинутой дверцей. Феликс сидел перед ним на полу и что-то делал. Лаванду он пока не заметил.

Она поняла теперь, что это: вспомнила, что видела такой аппарат на картинках. Один из тех маленьких компьютеров, что умещаются на коленях.

– У тебя есть компьютер? – удивлённо спросила она.

– Ага, – бросил Феликс.

– Но ты же сказал, что их почти невозможно держать законно.

– А я незаконно, – он повернулся к ней с самой своей невинной улыбкой. – Формально у меня его нет.

– Не боишься, что обнаружат?

Феликс пожал плечами:

– Пока не обнаружили. Впрочем, не удивлюсь, если Нонине давно в курсе.

– Значит, от неё сюда всегда могут прийти? – Лаванда тревожно нахмурилась.

– Естественно. И по этому поводу, и по многим другим. Я же сказал, что быть рядом со мной опасно.

(Он повторял это с видимым удовольствием, будто рад был похвалиться хотя бы таким странным достижением).

Лаванде подобные настроения не очень-то нравились, и она переключила внимание на монитор компьютера. Там видны были буквы, отдельные фразы...

– А чем это ты занимаешься?

– Переписываюсь с нашими. Так удобнее узнавать о всём, что происходит, – объяснил Феликс. – Если есть какие-то новости, то тут они распространяются моментально. Я уж молчу, что о многих вещах в других источниках вообще не скажут.

Лаванда всмотрелась внимательнее. Лента текста на мониторе – короткие рваные сообщения, протянувшиеся сверху вниз, – похоже, складывалась в разговор. Лаванда, правда, не очень вникла в смысл: кажется, разговор шёл уже давно и начало его затерялось где-то на просторах ленты.

– И часто вы так переписываетесь? – полюбопытствовала она.

– Обычно каждый вечер. Всегда кому-то есть что сказать. Поделиться чем-то или просто выразить мнение... Слить эмоции, в конце концов. Плохо только, что, кроме Ленты, куда-то выйти отсюда практически невозможно – оператор всё тот же, главный государственный, а у него почти всё в чёрном списке. Некоторые как-то умудряются туда проскочить, понятия не имею как. Да и из Ленты постоянно исчезает часть сообщений.

– Цензура? – догадалась Лаванда.

– Ага.

Больше он ничего не сказал, и Лаванда мысленно порадовалась, что он не вспомнил про статьи: она пока так ничего и не сформулировала и мысли бродили вокруг очень разрозненно.

– Кстати, пора бы поужинать, – заметила она.

– Пора... – задумчиво ответил Феликс, но, кажется, был несколько не здесь, а где-то по ту сторону монитора.

– Я приготовлю что-нибудь?

– Что? А, да. Было бы хорошо. Спасибо.

Но Лаванда не ушла сразу, а всё смотрела ему в затылок и раздумывала над одним вопросом, который крутился в голове, но в этичности которого она сомневалась.

– Феликс?

– Да?

– А твои статьи читают?

Он удивлённо обернулся:

– Конечно, читают.

– А кто?

– Ну... как кто... Люди.

– Какие люди?

– Обычные люди, – он недоумённо пожал плечами. Не понимал, о чём она, или не хотел понимать?

– Только ваша компания? Или ещё кто-нибудь? – и совсем тихо добавила. – Может быть, миллионы. Или...

– Откуда я знаю, – Феликс резко отвернулся к экрану, но, кажется, уже не вчитывался в Ленту, затылок выдавал его. Раздражённо потряс головой. – Я за этим не слежу. Наверно же, и кто-то кроме.

Скорее всего, догадалась Лаванда, скорее всего, эти мысли приходили ему в голову и раньше. И, скорее всего, они ему не нравились. Не имея возможности проверить, он предпочитал не задумываться об этом, как она сама предпочитала не задумываться о блестящей полосе.

Лаванда постояла ещё немного и ушла на кухню – посмотреть, что там можно найти, что сгодилось бы для ужина.

9.

Она сидела в сквере на старой скамейке и ненавязчиво наблюдала за всеми вокруг.

Людей здесь было много сегодня – они проходили вереницами, один за другим, шеренга за шеренгой.

Ещё чуть-чуть, и начнут маршировать в ногу, – подумала Лаванда и несмело улыбнулась своим мыслям.

Она отдыхала сейчас: она прошла довольно много от их дома до этого сквера; хотя для Феликса это наверняка были бы сухие пустыки, но она не привыкла столько ходить пешком. Но день выдался такой чудесный, что варварством представлялось прятаться в трамвае от бледно-голубого неба с лёгкими мазками облаков, застывшими на его холсте. Полупрозрачное, оно как бы окунало день в стакан воды, и всё вокруг наполнялось едва заметным воздушным свечением.

Люди, похоже, разделяли её мнение, что день чудесный, иначе вряд ли их собралось бы здесь столько. Лаванда наблюдала украдкой, словно её и не было тут вовсе.

Вон та девушка в пышной юбке, с наушниками и тёплым шарфом – интересно, о чём она может думать сейчас?

А этот мужчина с саквояжем в руке и усталым лицом рабочего? Что привело его сюда?

А вот пожилая пара – они так трогательно поддерживают друг друга под руки, но ни о чём не говорят: наверно, им уже не нужно.

«Помоги», – вдруг промелькнуло в воздухе вместе с пронёсшимся мимо скамейки движением. Лаванда повернула голову вслед: но нет, никто к ней не обращался, да и вообще не произносил ни звука.

«Помоги», – пронеслось снова. Не успела она посмотреть, кто это был, как волна пришла в третий раз.

Всё то же – призыв? просьба? приказ?

«И почему именно ко мне?» – подумала она удивлённо. Разве она может что-то сделать? Разве она имеет право? Кто-то, может, и имеет, но Лаванда, сколько помнила, всегда отказывала себе в этом...

«...помоги, помоги, помоги...» – со всех сторон и ниоткуда одновременно.

Она поняла: это был резонанс их мыслей, та общая волна, которая собирала их в одно целое и которую Лаванда, будучи не с ними, находясь в стороне, могла уловить.

И призыв обращён к ней именно потому, что больше услышать его некому.

Запах гари. Она вспомнила вдруг, что почувствовала, когда летела над холмами, в тот самый момент, когда Феликс прервал её полёт: да, именно запах гари. Он вернулся сейчас, он был так силён, будто наяву, – запах тревоги, запах беды, что стелется вместе со стаями птиц, пересекающими небо из края в край...

Птицы. Лаванда быстро нащупала на правом запястье браслет из перьев. Здесь, в незнакомом и людном месте, приближение тех сфер – совсем некстати; нужно уцепиться за здешний, человеческий мир, не выпасть из него.

Перья – мягкие, рельефные перья, такие осязаемые и живые – льнули к пальцам и возвращали чувство реальности. Это всегда помогало, Лаванда давно успела заметить.

В основном здесь были белые перья чаек и лесных голубей. Много лет она собирала их – одно за другим, вплетала в единый круг, в неразрывную связь. Чайачьи, конечно, были постарше: в Юмоборске чайки не водились. А вот диких голубей там хватало в окрестных лесах.

Сегодня, когда Лаванда собиралась выйти на прогулку, у неё была мысль и здесь найти одно-два красивых пера, чтоб вплести и их в браслет, – перья ринордийских птиц. Но в Ринор-

дийске, похоже, в принципе не было птиц. А те, что остались, выходили такими странными, непонятными, что их перьев не хотелось. Что-то было не так в их пронзительных криках, в их тяжёлом сбите полёте. Что-то в них самих было неправильное, искажённое.

Как и во всём городе.

Не потому ли бьётся в воздухе невысказанная просьба? Не потому ли запах гари с далёких холмов?

«Но я ведь и правда ничего не могу сделать, – подумала Лаванда. – Я тут никто».

Да, это, пожалуй, лучше всего освобождает от любой ответственности: она здесь – случайный прохожий. Ничего больше.

Можно даже сделать вид, что она никого не слышала. По сути, так ведь оно и есть – кто же станет прислушиваться к призрачным голосам, звучащим лишь в голове? Да эти люди первыми бы направили её в психушку.

На всякий случай сделав засечку на памяти, Лаванда успокоенно и почти даже в хорошем расположении духа вновь огляделась вокруг. Люди по-прежнему шли и по-прежнему не встречались с нею взглядами...

Взгляд.

Лаванда рывком вскочила со скамейки.

Бывшее уже ощущение чьего-то присутствия захлестнуло её. Кто-то наблюдал за ней – точно так же, как сама она наблюдала за пешеходами. Кто-то не сводил с неё пристального взгляда.

Но нет, вокруг – никого такого. Даже памятников нет.

Ну, что тебе почудилось, глупая? Кто тебе там опять привиделся?

– Софи? – тихо позвала она.

Никто, конечно, не ответил. Да и сама Лаванда едва ли понимала, почему именно эта странная мысль пришла ей в голову.

Даже если у Софи такие масштабы контроля и слежки – ну зачем бы ей понадобилось. Кто такая эта Лаванда, чтобы выслеживать её.

Но лучше всё-таки уйти от этого места. Она и так провела здесь много времени – куда больше, чем планировала. А город ждёт движения и с капризным недовольством косится на тех, кто его не поддерживает. С Ринордийском ей хотелось бы поладить.

10.

Софи вместе с Кедровым внимательно просматривала результаты съёмки со скрытых камер, установленных в разных районах Ринордийска.

Кедров предварительно доложил ей, что ничего подозрительного ни на одном из просматриваемых участков обнаружено не было, – всё уже проверено многочисленными сотрудниками. Но Софи придерживалась мнения, что лучше перепроверять лично («Ни на кого нельзя положиться»). А с тех пор как недовольные крики и обвинения в адрес «крысиной королевы» на краткое время наполнили город без всякой утайки, она готова была скорее пересмотреть все съёмки со всех скрытых камер и прослушать все телефонные линии, чем упустить потенциальную опасность. К сожалению, это было физически невозможно, приходилось довольствоваться случайными отрывками суточных записей. Это стало одним из обычных её занятий и давно вошло в привычку.

Не отслеживала Софи только интернет: она была не в ладах с новейшей техникой. Вместо неё контроль на этой территории осуществляла Китти.

Китти она не настолько доверяла, как Кедрову (всё-таки это не она была бок о бок с Софи все долгие годы борьбы с режимом Чексина и установления новой – своей – власти), но достаточно для того, чтоб та занимала пост личного секретаря. К тому же Китти отлично справлялась с работой, касалось ли это «Главной линии», проверки интернета или непосредственно секретарских обязанностей. И были ещё кое-какие обстоятельства.

Сейчас же по запросам Софи Кедров переключал трансляцию с камеры на камеру, то отматывая назад, то возвращаясь в реальное время, то снова перематывая к самому началу.

«В Ринордийске всё спокойно, мерно башенка звонит»... Совсем как в старой песне.

Иногда, указывая на кого-нибудь из прохожих, Софи спрашивала: «Ну а что ты скажешь про этого человека?» Кедров отвечал ей, с виду только скользнув взглядом по указанному, а на самом деле подмечая всё: темп и направление движения, походку, одежду и всякий багаж, настрой, манеру держаться, а также кучу других мелочей, по которым с большой вероятностью можно было догадаться, кто этот человек, куда и зачем он идёт.

Это как раз и нравилось ей всегда в Кедрове, это же выдавало в нём истинного потомка ссо-шника. (Видимо, тот, кто назвал «секретарями по связям с общественностью» людей с понятными обязанностями, отличался специфическим чувством юмора). Что касается лично Кедрова, то, думается, он вполне мог бы занять место своего прадеда в «чёрное время» – никто бы не заметил подмены.

Главная площадь, юго-западный район, улица Кобалевых, Турхмановский парк...

Зелёный сквер на востоке города. «Зелёный» – это название, на самом деле зеленью здесь никогда и не пахло независимо от времени года. Софи жестом остановила Кедрова, чтоб посмотреть, что происходит там прямо теперь.

В общем, всё как обычно, ничего особенного. Люди... Ходят, разговаривают. Их тут всегда гуляет какое-то количество – то меньше, то, как сейчас, больше. Но взгляд цеплялся за что-то, Софи даже не сразу поняла, за что именно.

А, та самая девчонка, которую она уже видела на улице, с постамента. Конечно, она тоже может здесь гулять, но Софи нахмурилась, заподозрив неладное: очень уж странно та вела себя. Почти сразу, как началась трансляция, девчонка вскочила со скамейки и стала озираться по сторонам. Будто почувствовала, что на неё смотрят. Да и что-то не нравилось Софи в самом этом человеке, как часто не нравится большое непонятное насекомое: может, оно и безопасно, а если нет?

Она и сама не понимала, в чём дело: это ведь всего лишь девчонка, самая обыкновенная и ничем не примечательная, таких много... Забавно, подумалось вдруг Софи: примерно в таком

виде – светлые волосы, не достающие до плеч, голубые глаза, простоватое открытое лицо – обычно рисуют страну, когда хотят изобразить её человеком. Только рисуют её всё же чаще в сарафане или платье цветов национального флага, а девчонка по-прежнему была в курточке и джинсах. И, возможно, кого-то ещё она напоминала...

Прекратив озираться, она быстрым шагом вышла из зоны обзора камеры. Видимо, у неё первой сдали нервы. Софи чуть усмехнулась, но продолжала молчать в задумчивости.

– Что-то не так, Софи? – вполголоса осведомился Кедров. – Я ничего подозрительного не вижу, но, может, ты...

– Нет, всё нормально, – она отмахнулась. По экрану взад и вперёд всё так же ходили сероватые люди. – Выключай, мы сегодня хорошо поработали. Всё же необходимые меры были приняты вовремя.

– Благодаря дальновидности Вашего Величества, – полушутя заметил он.

– А также благодаря работе твоих людей. Надо признать, ты умеешь организовать их. Но смотри, Эндрю, – Софи предостерегающе подняла палец, – если что, ты у меня первый под прицелом.

Она рассмеялась и хлопнула по карману, где у неё лежал револьвер. Кедров в ответ сдержанно улыбнулся.

Эта шутка повелась у них с давних пор, так же, как повелись в их компании названия «Эндрю» и «Волчонок».

Можно вспомнить и остальных. Хотя нет, не стоит. Они уже вычеркнуты.

11.

К вечеру они успели даже немного поцапаться – после того, как Лаванда спросила, что за человек Софи Нонине. В промежутках тишины было слышно, как зрачки кошки на стене щелчками следовали за секундами, а потом их снова перекрывали голоса. Стрелки подползали к пяти.

– Я же тебе объясняю! – всё больше раздражался Феликс. Досада брала его, что ему не верят на слово. – Я же говорю, что так всегда и бывает. Все они сначала такие: альтруисты, патриоты, любимцы народа... Потом уже начинается. А когда начинается, то уже слишком поздно: все только стоят с открытыми ртами – «ой, как же это так, а раньше так не было, ой, а может, нам правителя подменили, а мы и не заметили, ой, а что же теперь, ой, это, наверно, так и надо, ему виднее, переживём как-нибудь»... А нифига так не надо, просто никто не понимает, что можно и по-другому.

Лаванда хотела что-то возразить, но Феликс перебил снова:

– Вот пока страна будет доверять всяким сволочам и бывшим ссо-шникам, всё так и останется. Люди вроде Нонине будут пользоваться этим в своих целях.

– Вот целей её я и не понимаю, – заметила наконец Лаванда, уличив просвет между потоком слов. – Я не верю, что Нонине просто вот так пришла и просто вот так чинит зло, чтоб всем было плохо, без всякого смысла. Я бы поверила, если б она была отрицательным персонажем книги, но Софи всё же – человек, какая она ни есть. Ради чего бы ей понадобилось всё это?

Феликс пожал плечами:

– Ради власти. Разве это не очевидно?

– Власти... Но что она такое, эта власть, сама по себе? Нет, я не понимаю, – она покачала головой. – Ради особых возможностей, ради материальных благ, в конце концов... Но ведь это всё было бы у неё и так.

– А фиг её знает, – раздражённо отмахнулся Феликс. – Слушай, по-моему, не суть важно, чем там руководствуется Нонине, главное – что делать с последствиями.

– А мне кажется, – тихо проговорила Лаванда, – мне кажется, что, возможно, это и есть самое важное... Если бы знать, как всё в действительности. Как это происходило, что и когда случилось точно, пока не стало как сейчас. Если б было у кого спросить это всё, кто бы всё это помнил...

– А это идея, кстати, – с внезапным интересом отозвался Феликс. – Вообще, конечно, человеческая память – штука ненадёжная и подвержена всяческим причудам. Когда речь идёт об исторических событиях, даже очевидцы начинают со временем забывать, как всё было на самом деле. Известная вещь, что на их рассказы нельзя слепо полагаться.

– И на твои, значит, тоже?

– Разумеется. Но поскольку, – досада на его лице сменилась просиявшей гордостью, – я был в курсе такого обстоятельства, то заранее придумал кое-что понадежнее.

– Что же?

– У меня хранится архив газетных и журнальных вырезок, – вполголоса, торжествующе заявил он. – Я их начал собирать лет в пятнадцать, ещё до того, как пришла Нонине. В них – все значимые в масштабах страны события за все эти годы, и никакие причуды памяти их не изменят. Правда, я это вовремя придумал? – Феликс тихо рассмеялся.

Глаза Лаванды широко открылись:

– Всё за последние годы... – восхищённо выдохнула она. Так вот он, тот ликбез, который она тщетно искала. Если проштудировать это, может быть, в её голове и устоится что-нибудь понятное и определившее форму, что уляжется ровными кирпичиками и не будет больше тревожить своей неопределённостью.

– На самом деле, не только за последние, есть и более давние номера, – как бы между прочим уточнил Феликс. – Конечно, уже не с такими подробностями, но, если мне попадалась какая-нибудь старая газета или журнал, я пытался утащить их к себе.

– А этот архив, – осторожно поинтересовалась Лаванда, – он секретный, да?

– Почему? Обычный архив. Я, правда, устроил для него тайник, но это просто на всякий случай. А так не секретный, конечно.

– Я бы взглянула на него... – ещё осторожнее заметила она. – Ну, то есть, если можно...

– Конечно, можно! – тут же оживился Феликс. Горящий энтузиазм в его глазах выдавал, что просто обладания архивом ему не хватало и что уже давно хотелось показать его кому-нибудь.

– Я его держу в кабинете, – затараторил он. – Сейчас покажу. Там не только все важные новости, есть и просто знаковые для эпохи вещи: награждение там какого-нибудь деятеля или чей-нибудь приезд... Ну, сама сейчас увидишь, там всё по годам. Можешь прямо тут, в кабинете, и устроиться, я тебе мешать не буду, – и тихо пробормотал, видимо, сам себе. – Попробую пока дописать эту чёртову статью.

12.

Ринордийск... Древний и вечно новый, вечно шумящий и блистающий и – в то же время – зловеще молчаливый; город фейерверков и чёрных теней, переменчивый, обманчивый, как витражи Сокольского собора: не поймёшь, в улыбку или оскал сложились эти губы, мирное спокойствие отражается в глазах или затаённая горечь. Как большой зверь, разлётся он на холмах: то тихо дремлет, то приоткрывает неспящий лукавый глаз, то закрывает вновь.

Играет, будто сам по себе. На самом же деле следит внимательно: смотрят ли на него, следуют ли за ним, любят ли, внимают ли.

И да, точно – огромная страна вращается вокруг него.

Сидя на полу рядом с тайником (архив хранился под днищем шкафа, за узкой съёмной панелью), Лаванда неспешно и внимательно перебирала папку за папкой и просмотренные уже листы откладывала в стопки около себя.

Подборка у Феликса, надо сказать, и впрямь была обширная. Самые ранние номера отсылали ещё в позапрошлый век. Таких вырезок, правда, нашлось немного, но были они весьма красноречивы.

На самом первом – пожелтевшем и помятом – листе глаз привлекали две новости. Одна – на лучшем месте передовицы, про празднование пятидесяти лет правления императора Константина III Неизменного. По центру листа торжественно разместились фото – старое, в сепию, с мягкими, точно сглаженными контурами. Император Константин застыл на нём изваянием и с добродушной улыбкой смотрел на читателя. Этого пожилого человека вообще отличала какая-то доброта во взгляде и во всём облике. Недлинная борода лучиками расходилась от подбородка. В руке император держал хрустальную сферу – символ власти, который, как помнила Лаванда из школьной программы, обозначает мир людей; в лице жителей страны он как бы вручается в руки правителя.

Ниже расположилась заметка поменьше: сообщалось, что по случаю пятидесятилетия восшествия императора на престол была открыта Арка Великого Стояния, на одном из холмов, в самой высокой точке столицы. Арка была облицована цветным мрамором и возносила на десять метров вверх, название же для неё выбрали в память о старой полузабытой легенде. У подножия арки были выгравированы описания всевозможных заслуг Константина III, а наверху, над проходом стену украшал барельеф, созданный лично В.С. Цапелем – известным скульптором того времени, как следовало из заметки.

На барельефе была изображена прекрасная дева-воительница, побеждающая чудовище – мантикору со злобно открытой пастью. Лаванда удивлённо всмотрелась: да, контуры чуть-чуть другие, менее изящные, драматично заострённые, но в них безошибочно узнавалась скульптура паркового фонтана. В заметке говорилось, что по замыслу фигура девы символизировала народ в целом, а мантикора – некое абстрактного угнетателя, поработителя.

Удивилась же Лаванда вот чему: сколько она помнила по фотографиям и всевозможным описаниям Арку Великого Стояния, над её проходом всегда красовался вовсе не этот барельеф, а государственный герб. Более того, хотя сюжет на тему воительницы и мантикоры был довольно распространён, первые упоминания о нём ассоциировались с временами куда более поздними – с эпохой нововластья, когда императоров заменили первые выборные президенты. Запечатлённое в камне противоборство стало тогда символом победы над старым строем, но ни о каком скульпторе Цапеле при этом речь не заходила. Лаванда вообще не помнила, чтоб ей где-то прежде встречалась его фамилия. Может быть, этот Цапель не был уж так известен, как утверждала статья? Либо же здесь скрывалась какая-то тайна.

Оставив этот вопрос будущему, Лаванда продолжила изучать папку. На странице следующего номера, более позднего, но не так уж намного отстоящего от первого, говорилось о

строительстве грандиозного моста через реку Тусконку, отделявшую западные области вместе с Ринордийском от центральных и восточных регионов. До этого момента сообщение через реку осуществлялось только посредством лодок и мелких паромов. Сделано это было, помимо прочего, во избежание массового бегства нарушителей закона подальше от столицы. Открытие моста, как радостно заключала статья, ознаменовало момент, когда необходимость в этом отпала: ведь наступили новые, просвещённые и гуманные времена. Кроме того, это означало, что центр и восток станут ближе к Ринордийску и сменят упадок на процветание.

К этой статье фото не было, только чёрно-белая картинка с аккуратно выведенными тонкими контурами. Мост на ней казался таким лёгким, почти невесомым, а ведь наверняка он был рассчитан не только на одиночных пешеходов, но и на огромные грузовые фуры. Вокруг конструкции всё ещё суетились маленькие фигурки: что-то подправляли, подрихтовывали, подкрашивали, наводили последний лоск. Невероятно, как они всё же смогли это построить.

А время шло, промелькнули годы и десятилетия. Большая стройка железных дорог и распространение самолётов, революция и конец императорства, новые эйфории нового мира, совпавшие с первыми годами нового столетия, расцвет науки и искусств, которые были наконец с лихвой поддержаны государством, спонтанно возникающие повсюду общества и движения... Внезапный раздор в рядах высших лиц – похоже, они не могли договориться об общих приоритетах и дальнейших действиях – фактически закончился исчезновением официального правительства, и какое-то время страна существовала вообще без всякой постоянной верхушки. Эйфорическим настроениям это не помешало, они даже усилились, правда, приобрели какой-то почти разрушительный характер. Чтоб почувствовать это, не обязательно было даже вчитываться в новости: фото тех лет и заголовки передовиц говорили достаточно. («Депутаты отпраздновали День солнца костром на крыше парламента», – гласила крупная надпись на одном из листов).

Дальше вырезок становилось заметно больше, сложены они были более упорядоченно, причём встречались в них не только заметные события, но и эпизоды обычной жизни, да и просто разные интересные мелочи – вроде старой полустёртой фотографии танцовщицы на городской площади («Новая звезда Ринордийска», – пояснял заголовок).

Объявившийся вдруг новый правитель пришёл внезапно, будто бы из ниоткуда. Сначала его тоже называли президентом, но эту игру в приличия он поддерживал недолго и через год честно провозгласил себя просто Верховным Правителем. (Софи Нонине, вспомнила Лаванда, прождала дольше – целых пять лет). Тут начиналась эпоха, которую позже в учебниках окрестят «чёрным временем».

Впрочем, оно наступило не сразу, не вдруг. Несколько лет – долгих, насыщенных невозможными событиями лет – жизнь сражалась с обрушившимся на неё камнепадом, не хотела проигрывать. И, конечно, проиграла, но что это были за годы...

Время расцвета творческой интеллигенции, когда на каждом клочке под солнцем теснилось по нескольку шедевров сразу, время безрассудства и отчаянного веселья, как в последний день, время красивых жестов – бессмысленных, но эффектных, время открытых ещё протестов и всеобщих забастовок как будто на пустом месте, время настоящих подлостей и самоотверженных поступков, время общепринятой трусости, время неожиданного и подлинного героизма.

Лаванда всматривалась в эти лица, пробегая по ним пальцами: лица художников, лица рабочих, лица репортёров, которые рискнули что-то освещать в такое время, лица людей из правительственных кругов и лица маргиналов, подвешенных в воздухе эпохи...

Среди всевозможных газет и журналов попалась вдруг плохо отпечатанная листовка на тоненькой бумажке – скорее всего, делали самостоятельно, подручными средствами, и при взгляде на содержимое становилось понятно почему.

Текст – с опечатками, с кое-где не прорисованными буквами – сообщал о суде над неким поэтом, ещё совсем молодым человеком, который обвинялся в государственной измене и подрыве авторитета действующей власти. Вроде бы он написал какую-то эпиграмму на правителя, – ах да, Лаванда вспомнила эту историю. С любопытством всмотрелась она в бледную, но с чёткими контурами фотографию. Очевидно, снимок был сделан задолго до всех этих событий: мужчина в гражданском, по моде тех лет, выглядел вполне довольным жизнью и никак не походил на осуждённого. Не походил он, однако, и на пламенного борца с режимом, каким представляли его учебники по литературе. Это был скорее человек не от мира сего, мечтатель, сам плохо понимающий, кто он и где находится, и которому не так уж много дела до окружающих людей и их проблем. (Как это было понятно и знакомо...)

Когда Лаванда отложила листовку и перешла к следующей бумаге, это оказался куда более новый газетный номер, изданный примерно в середине прошлого века. Наверно, сюда он был вставлен не в хронологическом порядке, а по тематике: в статье разбирались теперь, спустя десятилетия, все обстоятельства того длинного и запутанного дела.

Очевидно, покровы, призванные хранить неприглядные стороны власти Правителя, были теперь сдёрнуты, и многое всплывало теперь на поверхность. Сотни желающих готовы были перерывать документы и свидетельства очевидцев, выживая новые и новые факты.

Зачитавшись и погрузившись в подробности этой истории, Лаванда не заметила, как сзади подошёл Феликс.

– Про что читаешь?

Она вздрогнула от неожиданности и обернулась.

– Про поэта, который написал эпиграмму... и про эту девушку...

– А, дело Лунева, – Феликс навис у неё над плечом и внимательно рассматривал номер, будто не видел его уже десятки раз. – Красивая была эпоха.

Он отошёл немного и задумался, улыбаясь чему-то.

– Стрёмная, но красивая. Вырезки по «чёрному времени» я специально собирал. Выискивал их везде, где можно. Неплохая коллекция получилась, а?

– Да, неплохая, – согласилась Лаванда. – А почему именно «чёрное время»?

Феликс пожал плечами:

– Просто... нравится. Всё-таки это было время великих людей и великих дел.

– Думаешь?

– Да... Что ни говори, теперешние люди сильно измелъчали. Да и вообще многое измелъчало, – он как-то горько усмехнулся, но быстро переделал эту усмешку в горделивую улыбку. – Кстати, а ведь Лунев учился в том же университете, что и я в своё время.

– Правда?

– Да. Только тогда он назывался РФИ – Ринордийский филологический институт, – а сейчас называется ГУЖ и СМИ.

– А что это значит? – не поняла Лаванда.

– Государственный университет журналистики и средств массовой информации, – насмешливо почему-то расшифровал Феликс.

– А... – Лаванда мало что смогла уловить в этом нагромождении слов. Её больше занимало, о чём думает Феликс, когда, как недавно, смотрит с чуть заметной улыбкой в пространство, будто видит там что-то своё.

– Ты хотел бы жить в ту эпоху? – негромко спросила она.

– Ээ... почему? Нет, конечно, – вопрос, кажется, сбил его с толку, но в следующую секунду Феликс уже вернул себе обычную уверенность. – Нет, это было бы глупо. Жилось там не очень-то легко, я думаю.

Он вроде бы собирался покинуть кабинет, но остановился в дверях. Лаванда пристально смотрела ему в спину. Настоящий ответ, поняла она, наверняка был «да».

Да – потому что жизнь невыносима, со всеми своими мелкими неприятностями и редкими моментами сомнительного довольства, со своей ненасытной рутинной, поглощающей всё. Да – потому что в душном пространстве так не хватает чего-то величественного и героического. Да – потому что достаточно было пары строчек, чтоб ярко вспыхнуть и тут же сгореть и, если повезёт, даже оставить след в истории и в памяти, и не надо было бы больше раз за разом писать длинные однообразные статьи, которые никто не читает.

Ведь ты этого хотел бы на самом деле, правда, братишка?

Но скажи она сейчас всё это вслух, оно прозвучало бы насмешкой и, скорее всего, било бы по больному. Поэтому Лаванда промолчала.

Феликс обернулся, уже изображая обычный свой жизнерадостный вид:

– Через пару часов начнётся «Главная линия». Если закончишь к тому времени – приходи, сравнишь. Новости разных эпох довольно забавно смотрятся рядом.

– Я постараюсь, – кивнула Лаванда.

Феликс оставил её.

Откладывая листок за листком в скопившиеся вокруг стопки на полу, Лаванда постепенно продвигалась от давних и мрачных годов к современности.

Перед ней промелькнули лица самых истовых приспешников Правителя: Лаванда увидела и как их награждали в годы его власти, и как после его внезапной кончины они лишались этих наград, как имена их предавались анафеме, а большинство из них ждала совсем уж незавидная участь. Ну, кроме разве тех, кто успел почтить собственной смертью (как министр внутренних дел Шмульнов, что мирно преставился в своей постели), и тех, кто – как, например, Кирилл Эрлин – вовремя отчалил за границу.

Года постепенно стали медленными, тягучими – не потому даже, что вырезок снова поубавилось, нет, сама жизнь теперь текла так: мерно, несколько однообразно, прерываясь лишь внезапными причудливыми идеями очередного президента, да нарушающими приличия скандалами, да иногда локальными военными конфликтами в отдельных регионах, почему-то постоянно одних и тех же.

В целом же всё двигалось, как широкая равнинная река, и даже становилось уже слегка скучно просматривать всё это, хотя, несомненно, жилось в те года совсем неплохо.

Но тут в воздухе повеяло чем-то тревожным, недобрим. Будто в ночной тишине подозрительного вида автомобиль остановился у соседнего подъезда.

Появился Чексин.

13.

Эдуарда Чексина часто называли диктатором и узурпатором. В некотором смысле так и было.

Всегда очень эффектный и производящий впечатление, он, казалось, старался задушить и припечатать к земле всё, что хоть немного расходилось с его воззрениями, чтобы потом в одиночестве возвышаться над поверженными противниками. Возможно, это даже доставляло ему определённое удовольствие. Тем не менее поначалу Чексин многим нравился – именно за грубоватую силу, за откровенность в выражениях, за уверенный взгляд победителя по жизни. Даже внешний его вид очень подходил к этому образу: Чексин был высоким и подтянутым, похожим чем-то на крадущегося чёрного ягуара, профиль его был строгим и чётким, а глаза – светлыми, почти прозрачными. Давно страна не помнила такого правителя – настоящего, такого как надо.

Постепенно, однако, становилось понятно, что за громкими словами и смелыми обещаниями, как правило, ничего не следует – или следует совсем противоположное. Яркая мишура цветастых фраз, в которой бесполезно было искать смысл, застила взор, и после уверений, что вот-вот жизнь наладится и станет лучше, казалось, что так и будет. Но лучше всё не становилось и не становилось. Это несколько поубавило симпатий к Чексину, да и от его манер ссошника были в восторге далеко не все.

Но то ли президент не понимал этого, то ли ему не было дела, что там думают о нём все эти люди. На фото последних годов Чексина маска сильного и справедливого правителя словно пошатнулась: в нём проглядывало уже что-то откровенно агрессивное, хищное. Чексин будто бы точно решил, что ему необходимо, и точно знал, что прав в этом, а какой ценой дастся желаемое – уже неважно. Любое противодействие давилось в зародыше, будь оно гражданского или личного характера. Со своими врагами Чексин расправлялся безжалостно.

Последней ошибкой, которой ему, видимо, так и не простили, стала вспыхнувшая с новой силой война на южных и западных окраинах страны. Когда очередные осложнения в процедуре внутренних полётов и железнодорожных поездок, вопреки обещаниям, никому не улучшили жизнь, в нескольких областях поползли разговоры об отделении. Реакция Чексина была мгновенной. Только на этот раз что-то не сработало в безотказном механизме госпропаганды: прежние приёмы дали сбой. Не так-то легко оказалось убедить людей, что ввести войска в свои же земли и сражаться со своими согражданами, которые вдруг стали врагами, было и вправду необходимо. Многие остались несогласны и недовольны, и, хотя прямых призывов и демонстраций почти не было, что-то странное завитало в воздухе. Как-то подозрительно стало нарушаться сообщение с крайним востоком, да и центральные области смотрели на столицу в глубокой задумчивости.

Разруха, нехватка самого необходимого и – главное – бесконечная и бессмысленная война подрывали спокойствие страны, но не Эдуарда Чексина. С последнего фото, где он представлялся ещё в качестве президента, глядел умиротворённый человек, абсолютно уверенный, что всё сделал правильно. И в самом деле, разве кто-то усомнился бы в этом?

Возмездие пришло неожиданно и неотвратимо.

Возмездие пришло в виде подпольной группировки, около дюжины молодых и дерзких ребят, которые – в силу ли связей, личной харизмы или просто везения – сумели добыть себе оружие и народную поддержку. Долгое время в прессе не мелькали даже имена этих людей; они именовались только как одно целое и безлично: сначала бандой, потом преступной группировкой, затем – мятежниками, после – группой повстанцев и, наконец, отрядом Сопротивления. Примерно начиная с «повстанцев» они стали появляться на фото – сначала изредка, как бы по ошибке, потом всё больше и больше. Это было что-то дикое, ничем не сдерживае-

мое, опасное и в то же время притягательное. Каждый раз их было по два или три человека, не больше, всегда не позируя, как бы случайно попав в кадр. Но чаще остальных встречалась она.

Софи Нонине.

Нет, никто пока не называл её так, вообще ещё никак не называли и не выделяли из остальных. Но Лаванда безошибочно узнала эту всегда ускользающую, почти неуловимую тень. Немного нелепая, похожая то ли на мальчишку, то ли на девчонку-сорванца, она мелькала то там, то здесь на перекрытых войсками и баррикадами улицах Ринордийска.

На одном из фото – Лаванда внимательно вгляделась в него – камера успела поймать Софи возле загоревшегося торгового центра, когда она на секунду обернулась, покидая это место. Порыв ветра откинул назад тёмные волосы, за которыми постоянно скрывалась Нонине, и лицо её в отсветах пламени мерещилось переменчивым и потусторонним – будто она была не живым человеком, а призраком, спустившимся на поле битвы.

Кто это – явление будущего или случайный фантом? Надежду несёт или гибель? Тогда ещё никто не мог знать.

Несколько месяцев и вдруг – радостная новость: Чексин побеждён! Отряд Сопrotивления захватил его резиденцию, а сам президент, засидевшийся на своём месте, оказался в плену. Так сообщала передовица одного из основных государственных изданий, которое прежде упоминало Чексина не иначе как с учётом его абсолютной непогрешимости. А уж как пестрели вырезки из оппозиционных газет и журналов...

Как именно развивались события в ночь переворота: как сумели повстанцы пробраться в неприступное здание резиденции, как справились с охраной и добрались до самого Чексина, – этого никто точно не мог сказать. Сами участники событий, когда им задавали такой вопрос, только мило улыбались (или не очень мило, уж как умели) и ограничивались общими фразами о взаимовыручке и вере в победу. Но в одном они все сходились: без Софи Нонине этой победы бы не было. Одолела Чексина именно она.

Это случилось на исходе октября...

Ноябрь прошёл в смятении и эйфорической суматохе. Пока заканчивали с оставшимися сторонниками «режима», пока обнаруживали и обезвреживали тех, кто под шумок хотел договориться с иностранными интервентами, пока... Да мало ли находилось дел в первые недели свободы, и мало ли проблем вставало теперь на каждом шагу. Нонине в эти дни почти не появлялась на публике, хотя о ней говорили повсеместно. Только один раз – на публичном, пусть и неофициальном суде над Чексиным: не произнося речей, она лишь дала отмашку, бросив «Пусть его судит народ». (Эта короткая фраза привела всех в восторженное умиление: Софи Нонине – с простыми людьми).

Народ осудил: толпа разорвала Чексина на части.

В начале декабря, в тёмные и холодные дни первой зимы, столица стояла необычно притихшая, малолюдная. Страна – теперь хорошо можно было различить это – зависла на самом краю.

Казна была выпотрошена, все связи – нарушены, будничное течение жизни – сбито и остановлено. На окраинах ещё полыхали пожары войны, а в Ринордийске обыкновенные пожары только начинали затухать. Равнодушная к людской суете, сверху их присыпала пороша.

Нужен был кто-то главный, кто-то, кто будет решать и возглавит всё, кто спасёт от неминуемой гибели и скажет, что делать дальше.

Очень быстро речь зашла о Софи Нонине (спонтанно или с чьей-то подачи – было уже не суть важно). Теперь все хотели видеть во главе государства только её: ведь это она освободила их всех от Чексина.

Та минута, когда они вручили власть ей – своей новой правительнице, – была навсегда запечатлена в вырезке из старой газеты. Чёрно-белая фотография вобрала всё: Софи, стоящую на старой крепостной стене, толпу курток и шапок внизу, тёмное хмурое небо... Небольшое

усилие – и можно было увидеть это как живую, так, как оно наверняка и происходило в тот день... Или почти так. Вот она, Софи: большая чёрная фигура, немного на возвышении, но не слишком высоко. Глухое чёрное платье до земли, плечи укутаны – нет, ещё не плащом – только короткой пелериной из крысиных шкур. Лицо осунувшееся и обветренное, как и у всех, кто здесь: тяжёлые теперь времена. Она почти не движется, только ветер слегка треплет тёмные космы волос, на них белыми хлопьями падает снег. Взгляд её мрачен, но полон решимости.

– Кто-то должен взять на себя ответственность за то, что происходит, – говорит Софи твёрдо, шурясь на ветру. – Ответственность за всех здесь присутствующих, за всех жителей страны. Кто-то должен повести теперь всех вперёд. Нам нужен правитель. И это вы, граждане страны, должны его выбрать.

Люди толпятся внизу и, задирая головы, смотрят на неё. На лицах – тревожное ожидание и надежда. Сначала они молчат, лишь невнятный шёпот ходит по толпе. Потом кто-то подаёт голос:

– Пусть Нонине будет правительницей!

– Да, пусть Нонине!

– Пусть Нонине правит нами!

– Нонине!

– Нонине!

– Нам не нужно никого другого!

Усталая улыбка появляется на лице Нонине, а в глазах, кажется, блеснули слёзы. А может, и нет.

– Спасибо, – произносит она тихо, но её всё равно слышат, и ликование разносится в ответ.

– Спасибо! – повторяет Софи громче, встряхивает головой, откидывает волосы и, выступив на шаг вперёд, начинает говорить – много, горячо и убеждённо.

– Сейчас мы должны обратить взоры в будущее, – говорит она. – Разруха, застой, беспредел правительственной элиты длились годами, и мы ничего не могли поделать с этим. Но теперь мы вместе положили конец безобразию, и пора вступить на новый путь, путь нашей новой жизни. Да, нам будет нелегко – всегда нелегко вставать из пепла и грязи. Но мы справимся, как справлялись уже не раз с теми трудностями, что подкидывало нашей стране течение истории. Здесь и сейчас начинается дорога, по которой мы выйдем в светлое и радостное будущее, то будущее, которого мы действительно заслуживаем. Я поведу вас.

Они смотрят на неё, не отрывая взглядов, внимая каждому слову. Они верят Софи Нонине и готовы следовать за ней, готовы делать то, что она скажет.

Кем бы ни была Софи Нонине, она сдержала обещание и повела их. Наверно, она знала куда. А может, и нет.

Это было трудное время. Во второй год правления Нонине ко всем прочим неурядицам добавились капризы природы: после летних пожаров по всей лесной полосе выдалась непокойная зима. Снежные бураны как бы в насмешку перекрыли только лишь восстановившие работу автомобильные пути и железные дороги, страна была на грани транспортного коллапса. Ещё больше пострадал прибрежный север: разбушевавшаяся стихия выгнала из берегов моря, многие селения были сильно порушены, иные просто перестали существовать.

Впрочем, едва ли Нонине могла что-то с этим сделать. Она в это время гасила войну на юге, та всё не собиралась утихать. В какой-то момент Софи даже сама покинула столицу и отправилась на поля сражений. Так по крайней мере говорили. Точно то, что в Ринордийске в этот момент её не видели.

Несколько месяцев – и конфликт был задавлен. Некоторые замечали, что можно было обойтись и меньшей кровью, кто-то сетовал, что Нонине связалась с местными отбросами

общества и привлекла их на свою сторону, что якобы и решило исход дела. Но, по правде, все вздохнули с облегчением: начинало ведь уже казаться, что бои никогда не закончатся. В глазах людей Нонине была теперь, помимо прочего, победительницей и миротворцем, а в статьях тут и там мелькало тихо, не для официальных заявлений, но уважительно, что она «натравила крыс на своих врагов».

Медленно, шагочками, но, кажется, начиналась нормальная жизнь – какой она и должна быть и какая успела подзабыться.

От новых номеров веяло успокоением – неужели смогли пережить? – и надеждой на лучшее. Не ползали больше сепаратистские настроения за Тусконским мостом, начинали работать давно заброшенные фабрики и предприятия, в Ринордийске, в Турхмановском парке, забили фонтаны, что были отключены уже много лет. Не всё делалось сразу – так и не могло быть, все прекрасно понимали. Но ощущение, что путь вперёд открыт, превалировало над всем остальным и превозмогало все временные невзгоды.

Больше всего ощущением этим наполняли речи самой Нонине. Раз за разом повторяла она одно и то же: мы теперь будем жить по-новому, мы будем жить совсем по-новому, мы уже живём по-новому...

Вот тут постепенно стало закрадываться подозрение, что что-то идёт не так.

Слишком уж часто за восторженными и хвалебными речами терялись вести обо всём, что не вписывалось в светлую картину. Что так же продолжают убийства на окраинах Ринордийска, где лучше вообще не появляться после наступления темноты, что странная и нелепая дорога на сваях остановилась промеж городов и почти не движется с места (а ведь на неё были выделены огромные деньги), что нехватку и голод в глубинке – снова неурожайный год – не может перекрыть даже скудеющий поток импорта, и многое, многое другое...

Нет, они по-прежнему верили Нонине: она же сказала, что поведёт их. Она же предупредила, что будет трудно, но только на время... Наверно, у неё есть свои – до мелочей продуманные и мудрые – планы, надо только подождать. А может, госпожа президент не всё знает? Наверно, злобные чиновники ей не докладывают...

Впрочем, свои планы она теперь озвучивала реже и реже: вообще почти перестала показываться на экранах телевизоров и фото официальных заседаний. Только имя её было повсюду, да аналитические статьи и новостные выпуски ссылались на Нонине как на непогрешимый авторитет. А светлое будущее... По сравнению с годами минувшими мы уже в нём – вы разве не заметили, граждане?

Среди вырезок такого вида Лаванда, кроме того, обнаружила подборку коротких заметок о закрытии того или иного новостного издательства – целую пачку, схваченную металлической скрепкой. Да, тут Феликс собирал придирчиво: видимо, для него это значило слишком много.

К концу четвёртого года – последнего года президентского срока – передовицы разразились неожиданной и удивительной новостью: Нонине распустила народный совет, который традиционно, хоть и во многом формально, существовал при правительстве последние полвека. В идеале он должен был заниматься просьбами и предложениями, поступавшими в приёмную от частных лиц, рядовых граждан. По факту участникам совета то и дело не хватало на это времени, но иногда что-то из присланных писем всё же озвучивалось и обсуждалось, а порой из этого что-нибудь и выходило.

Нонине, впрочем, объяснила, что совет по сути своей бесполезен: как положено он всё равно не работает, а содержать этот балласт довольно накладно. Можно, конечно, и переформировать, но легче просто распрощаться с ним. Тем более, неужели она, законно выбранная правительница, сама не понимает, что сейчас нужно стране и её народу? Конечно, понимает и разберётся во всём без всяких бутафорских советов.

Если, конечно, народ по-прежнему считает её законно выбранной правительницей.

В те дни Нонине всё-таки появилась на публике и – впервые за долгое время – обратилась к зрителям и читателям. Стоя за кафедрой, перед микрофонами и камерами, она выглядела как будто несколько мрачно, словно тяжёлые мысли довлели над ней. Пелерина на плечах обернулась длинным плащом, который буровой мантией спускался почти до пола.

Она готова и дальше нести ответственность за всё и вся, – сказала Нонине. Если они доверяют ей, она скажет, куда идти и что делать. Но тогда никто не должен мешать ей, – вот её условие. Итак, если они согласны, пусть подтвердят то, что уже сказали ей однажды.

И они переизбрали Софи Нонине.

То ли оттого, что тогда, за кафедрой, обращаясь к ним, Софи была так обворожительна, так по-свойски близка и так до боли знакома – почти как родной человек, как то, без чего не представляешь своей жизни. То ли потому, что особого выбора у них и не было. Не случилось других нормальных кандидатов на президентский пост.

Подтвердив свой статус, Нонине принялась за дело с новым энтузиазмом. Внезапно её охватила страсть к контролю над всем вокруг. Началось всё с Государственной Базы Данных (ГосБД). Этот проект создавался под личным присмотром президента и был призван облегчить жизнь населения в привычных и бытовых мелочах. Сведения для ГосБД – довольно стандартный набор – были обязаны предоставлять сами граждане. Ходили, однако, разговоры, что в базу идут не только эти данные, но и многая другая, куда более подробная информация, которая уж кто знает как добывается людьми Нонине.

Потом были камеры наблюдения на вокзалах и в аэропортах, в городском транспорте, в парках, просто на улице... Целая сеть камер и прослушивающих устройств окутала Ринордийск, другие города пока обходились, но готовились последовать примеру. В правительстве начинались разговоры об официальном прослушивании телефонных линий, а также о контроле почты и интернета.

В оппозиционных кругах зашептались первыми: Нонине, похоже, хочет внедрить тотальную слежку. Тут вспомнили, конечно, и «чёрное время», и множество книжных антиутопий – заграничных и отечественных... Софи услышала и Софи отреагировала: довольно резко она заявила, что любые средства оправдывают себя, когда под угрозой безопасность страны, а она под угрозой, это известно достоверно.

Люди поддержали Нонине – действительно, что может быть важнее безопасности, – а недовольные оппозиционеры оказались в меньшинстве: никто не слушал их. Им оставалось лишь возмущаться и делиться подозрениями друг с другом.

Впрочем, и это долго не продлилось.

Мы не можем позволить себе такой широты мнений, как это обычно принято в демократических государствах, – сказала Нонине. Сейчас слишком опасное время для этого. Именно тогда впервые прозвучало выражение «внутренние враги», потом вошедшее в широкое употребление.

Внутренние враги – самые опасные, ибо их так просто не заметишь. Это они подрывают государство изнутри: это провокаторы, настраивающие народ против законной власти, искажающие действительное положение вещей и втоптывающие в грязь все лучшие начинания.

Слушайте меня, только меня, и всё будет хорошо, – сказала Нонине, не совсем в таких выражениях, но поняли её верно. Зачем вам что-то ещё? За мной – последняя истина, я – последняя инстанция. Просто доверьтесь мне, и всё будет хорошо.

Теперь всем печатным издательствам критиковать действия властей было официально запрещено, не говоря уже о теле- и радиоканалах. Дальнейшая подборка вырезок превратилась в сухую хронику происшествий, иногда перемежающуюся сообщением о приезде какой-нибудь важной персоны или «народном» празднестве, фото с которых подозрительно отдавали постановкой. Встретилось, правда, ещё несколько статей с хвалебными речами в адрес Нонине,

но на этом всё. Наверно, догадалась Лаванда, подобных статей было куда больше, но Феликсу претило хранить их у себя. Эти же он, скорее всего, оставил в качестве «знакового для эпохи».

Впрочем, всеобщее возмущение прокатилось в открытую ещё один раз. Произошло это, когда Нонине назвала регулярные выборы слишком сложными и не отвечающими сложившейся ситуации и объявила себя бессрочным верховным правителем – Её Величеством Софи Нонине.

Всколыхнулись не только официальные и не очень СМИ, но и отдельные известные люди; будто бы из ниоткуда возникали протестные течения и кружки, многие просто шумели в одиночку. Кто-то на просторах интернета остроумно поздравил Нонине с новым титулом «Крысиной королевы». Шутка оказалась удачной и тут же пошла в массы. Дошло до небывалого: по Ринордийску прокатилась череда митингов, что в последний раз случалось ещё в позапрошлом веке, незадолго до конца императорства. Разные источники называли разные цифры (Лаванде одинаково трудно было представить их все), но, если судить по фотографиям, людей в те дни на улицы вышло *очень* много.

Конечно, за этим последовала череда арестов и судов. Особенно досталось журналистам, но, впрочем, далеко не только им.

Видимо, специально под это дело была введена статья против подрыва авторитета действующей власти – совсем как в «чёрное время». Формулировка её была весьма расплывчата, как это часто бывало при Нонине и при её предшественнике Чексине. Но, по сути, она позволяла считать любой частный разговор, в котором проскользнуло упоминание Нонине в негативном ключе, уголовно наказуемым деянием.

Всё это случилось так быстро и так неожиданно, что многие не поверили и не приняли всерьёз. Казалось даже, что многие специально ходят по грани и провоцируют: последует возмездие сверху или обойдётся, когда речь идёт о такой чепухе. И зря – статья и впрямь применялась и, наверно, даже чаще и охотнее, чем все остальные.

Либо Нонине действительно разозлилась, что пошла на такие меры...

Либо действительно испугалась.

Но чего? Ведь вся народная поддержка была её.

Вся страна была её.

Что произошло? Что щёлкнуло в голове у правительницы и когда это случилось? На эти вопросы Лаванда так и не могла ответить, сколько бы не разглядывала вырезки и листовки, сколько бы не читала интервью и статьи, сколько бы не всматривалась в застывшие лица на фотографиях. Не понимала.

А ведь, возможно, это и было важнее всего...

Имелась и ещё одна странность: на протяжении всех этих лет то и дело всплывали известия о непонятной гибели людей, так или иначе перешедших Нонине дорогу. Политические противники, иностранные партнёры, с которыми не вышло договориться, искатели компромата и разоблачители тёмных тайн... Причём погибали они как будто совершенно случайно: попадали в катастрофы, становились жертвами несчастного случая или просто кончали с собой. Едва ли здесь можно было говорить о вмешательстве Нонине. Единственное – все эти смерти случались очень вовремя для её планов, но на этом всё. Похоже, она сама была тут совершенно не при чём.

И, что самое странное, – бывшие соратники Софи. Против трёх человек было громкое дело по обвинению в госизмене. Но большая часть никогда и ни за что не преследовалась, их даже отмечали наградами... А потом то с одним, то с другим вдруг случалась какая-нибудь летальная неприятность. Иногда, впрочем, они просто исчезали с фотографий, а имена их вдруг переставали упоминаться в статьях. К восьмому году правления Нонине рядом с ней не осталось почти никого из тех, с кем она начинала.

14.

Лаванда досматривала мельком последние листы, когда из второй комнаты донеслась знакомая уже музыка из заставки «Главной линии».

Самые поздние новости были ей, в принципе, уже известны, а потому не вызывали интереса. Последние вырезки: затопление северного побережья в западной части страны, уровень воды в Юмоборске продолжает повышаться, на помощь высланы все вертолётные спасательной базы, проводится эвакуация, база для пострадавших разбита в центре соседней области (Иржице), – обо всём этом она и так знала куда больше, чем хотелось бы. И даже больше, чем было в архиве: здесь не упоминались ни недельное молчание, в то время как вода всё прибывала, ни возникшая путаница с документами и продовольственными карточками, ни многое другое.

Лаванда закрыла последнюю папку и, оставив ту лежать у тайника вместе с другими, перебралась к Феликсу.

Тот уже смотрел «линию», сидя при этом на самом краешке дивана, будто готов был в любую секунду сорваться и бежать куда-то. Лаванда тихо опустилась в соседнее кресло.

– Я прочитала.

Феликс сейчас же повернулся к ней:

– Да? И что ты думаешь?

– Думаю, это очень хороший архив... – сразу проговорила Лаванда, подбирая между тем слова для других, менее очевидных мыслей по этому поводу.

Феликс продолжал внимательно смотреть ей в глаза: было понятно, что он ждёт чего-то и о самом предмете их разговоров, а не только формальной похвалы. (Хотя похвала, безусловно, была ему приятна: он удовлетворённо прижмурился, как зверь у тёплого камина).

Лаванда машинально скользнула взглядом по экрану: там всё та же Китти Башева что-то говорила, долго и беспрерывно.

– Мне кажется, – наконец заметила Лаванда осторожно, она не знала, какой будет реакция, – мне кажется, у Софи есть какие-то цели... Какие-то большие, грандиозные цели. И она действительно пытается вести всех туда – туда, где, по её мнению, находится какое-то всеобщее благо, земля обетованная.

– Неужели, – насмешливо протянул Феликс. – Наверно, это обетованная земля для неё и её ближайшего окружения? Тогда может быть. А всякий люд там нужен исключительно в качестве обслуги.

– Нет, не то, – Лаванда помотала головой. – Нонине не похожа на человека, который преследует собственную выгоду... Только собственную выгоду, по крайней мере. Там есть что-то ещё. Нечто большее, что движет ею.

– Может, ты даже знаешь, что?

– Не знаю, – печально призналась Лаванда. – Может быть... Величие страны...

Феликс громко и нарочито рассмеялся.

– Нонине – и мысли о стране? Да. Смешно.

– Мне кажется, она любит страну, – с усилием проговорила Лаванда, пока Феликс не переставал смеяться. – Да, страну она по-своему любит – как-то очень по-своему. Другое дело, что она совершенно не любит людей... Я бы даже сказала, терпеть их не может. И, возможно, боится.

Феликс кивнул:

– Отличные качества для правителя.

– Как правитель она тот ещё подарок, конечно, – согласилась Лаванда. – Но как человека её можно попробовать понять. Мне кажется, она просто запуталась где-то... Ей видится, что она делает всё правильно, она искренне думает, что действует во благо. А на самом деле...

Она замолчала, присматриваясь к образам, которые возникали в голове. При мысли о Софи почему-то представлялось что-то не из человеческого мира: что-то дикое, стихийное, что-то суровое и величественное, что-то опасное и несущее гибель, но в то же время прекрасное в своём одиночестве.

– Да-да, конечно. Нонине просто ничего не знает. Ей не докладывают. А на самом деле она белая и пушистая.

– Этого я не говорила, – возразила она. – Нонине далеко не ангел. Но у неё есть какая-то своя правда, не такая, как у нас, но для неё эта правда – единственная. Если бы можно было поговорить с ней...

– И что? – Феликс смотрел вопросительно и немного мрачно. – Поговорить и всё объяснить – это ты имеешь в виду? И что дальше? Нонине скажет «Я запуталась, я раскаиваюсь», да?

Лаванда вздохнула:

– Ну не так, конечно. Но мне кажется, с ней всё же можно было бы договориться. Хотя бы попробовать.

– Попробуй, – Феликс пожал плечами. – Наверно, можно прийти вот так в резиденцию, сказать, что у тебя есть разговор, и попросить провести к правительнице...

– Что, правда? – заинтересовалась Лаванда.

Феликс испуганно уставился на неё:

– Господи, нет, конечно. И не вздумай мне тут... лишних телодвижений... Это сейчас опасно, – он покачал головой.

Она задумчиво кивнула:

– Я уже поняла...

15.

И ночь пришла к ней.

Глубокая беззвёздная ночь – тёмная без фонарей, что остались за толстыми и надёжными стенами резиденции.

Софи не спала. Она слушала, как тихо, на тысячу тонов рокочет Ринордийск.

Этот рокот никогда не оставлял её в покое. Казалось, надо продолжать что-то делать, нельзя просто лечь и заснуть.

Можно ещё раз перечитать отчёты за день... Впрочем, выудить из них что-то новое она уже вряд ли была сейчас способна – до следующего раза.

Однако уложить всё в голове, прояснить и составить единую картину будет нелишне.

Она не включала свет в кабинете – она почти никогда не включала свет по ночам, – только зажгла свечу на столе. Незачем тем, кто смотрит снаружи, знать, что она не спит. Кто бы ни смотрел.

Там, за стеной, шумело, будто город переговаривался на разные лады. Странные шорохи, далёкий, чуть слышный вой, шум прокатывающихся по асфальту колёс... Изредка слышалось тихое многоголосье: то вдруг резкий окрик, то сдержанное шипение, то невнятный гул, требующий чего-то.

Софи знала: это голоса Ринордийска, всегда нового и с рождения старинного, плывущего по волнам времени и всегда остающегося на том же месте.

Ринордийск тоже не спал. Огромным чёрным зверем поднимал он порой голову, взмахивал длинным хвостом, подёргивал чуткими ушами. Жёлтые глаза вспыхивали мутными огоньками, а зубы готовы были клацнуть, если не вовремя протянуть руку.

С ним не спали все те, кто жил здесь когда-то. Это их голоса просачивались сквозь щели в окнах, сквозь каменную кладку стен. Победители и побеждённые, подлецы и герои, получившие по заслугам и невинные жертвы... Ринордийск не забывал никого.

Они шелестели всё настойчивее и настойчивее, они пели тут каждую ночь. Как же ей надоело это пение...

Впрочем, нет, это всего лишь крысы, – в очередной раз решила Софи. Их ведь так много в городе.

Да, крысы... Софи подобрала откинутый на стул плащик, завернулась в него поплотнее: ночью тут становилось холодно. Вот они, все здесь – её трофей, её добыча; теперь они были обезврежены и абсолютно безопасны.

Софи не любила крыс, но поверженные они её не пугали. Ведь теперь она полностью властвовала над ними.

Она снова вернулась к отчётам: пробежала их мельком глазами, разложила на столе, как причудливый пасьянс, передвигая туда и обратно отдельные листы, объединяла, разъединяла, ловила взглядом все значимые моменты и снова сводила всё воедино.

Здесь нельзя отворачиваться ни на минуту: или всё, что было твоим, выскользнет из твоих рук и будет утрачено навсегда, а те, кто были с тобой, сотрут тебя в порошок. Голоса за стеной знали. И они шептались и об этом тоже.

В Ринордийске не всё спокойно, что бы там ни пелось в глупой старой песенке. Софи хорошо это помнила.

16.

Феликсу, по его же собственному признанию, крайне повезло с работой: не надо таскаться на другой край города каждое утро, да и вообще куда бы то ни было таскаться. Статьи он писал, когда было удобнее, а потому таким прекрасным днём, как этот, ничто не мешало погулять.

Солнце светило с неба, и небо было глубоким, бездонным и ничем не ограждённым. Неосторожное движение – и мир ухнет туда.

Здесь, внизу, только высохший после потоков снега асфальт набух трещинами: каждая обострилась, вычернилась, но прохожие всё равно их не замечали, всё так же спотыкались и так же куда-то торопливо бежали.

Справа Феликс рассказывал что-то. Кажется, начал он с истории той высокой башни, ярко белеющей в отдалении, и с того, что и когда в ней располагалось, но очень быстро перескочил на что-то ещё, и ещё, и ещё, и Лаванда давно потеряла нить повествования. Было сложно слушать и потому, что слева то и дело проносился гул очередного автомобиля. Она уже свыклась с мыслью, что они едут по своей дороге и можно не оборачиваться каждый раз, разглядывая, стоит ли отскакивать в сторону. Но звук этот всё равно напрягал и отвлекал на себя внимание. Да ещё и солнце... Люди... Весь этот шум и блеск.

Они двое не шли куда-то определённо, просто гуляли по центру Ринордийска. Хотя Феликс всё равно то и дело переходил на быстрый размашистый шаг, потом вспоминал, видимо, что идёт не один, притормаживал, но скоро разгонялся вновь.

Лаванда же, наоборот, слегка уже отставала. Ей было трудно вот так шагать и шагать. Солнце, отражающееся в стёклах и на металлических изгибах, люди, то вынырывающие из-за спины, то движущиеся навстречу, – и те, и другие шли сплошным потоком, лица их были полны решимости добраться туда, куда они идут, пусть и сметая других, и гудели машины, и запах бензина и выхлопов наполнял дыхание, делал его тяжёлым...

Она запнулась, вскинула было взгляд на горизонт, чтоб не потеряться в гвалте и месиве, но горизонта, похоже, не существовало в этом мире. Почувствовав, что слабеет, Лаванда в последней попытке глубоко вдохнула, но асфальт всё равно поехал и начал приближаться.

Упасть она, правда, не успела: Феликс подхватил её.

– Лав? Что случилось?

– Воздуха... – пробормотала она. – Просто глоточек воздуха.

– Так, пойдём-ка.

Аккуратно обхватив Лаванду за плечи, Феликс увёл её куда-то, в сторону с оживлённой дороги. Куда – она поняла, только когда он усадил её на скамейку под большими ветвистыми деревьями. Похоже, это был парк.

Сгорбившись и зябко сведя плечи (дурнота всё ещё накатывала, хоть и волнами помельче), Лаванда исподлобья оглядывала кусты и тропинки вокруг. Вполне возможно, тот самый Турхмановский парк, где они гуляли в первый день.

Феликс опустился рядом на краешек скамейки. Он выглядел обеспокоенным:

– Так что всё-таки случилось, Лав?

– Нет... Нет, ничего. Всё нормально.

– Принести тебе воды?

– Нет. Не надо, – она перевела дыхание. – Просто... Большой город... Я ещё не привыкла.

Феликс смотрел так, будто только что вспомнил что-то, о чём напрочь забыл прежде, и сам себе удивлялся, как это так – забыл.

– Хочешь домой? – тихо спросил он.

– Домой? – Лаванда удивлённо подняла брови. – Куда это – домой? С тех пор как...

Она осеклась, но только помолчала немного и закончила, спокойно покачав головой:

– У меня больше нет дома.

Феликс смутился и, видимо, желая отвести взгляд, что-то высматривал по сторонам. Похоже, он не знал, что сказать дальше.

– Я привыкну, – твёрдо сказала вместо него Лаванда. – Ещё немного времени, и я привыкну.

– Правда?

Лаванда кивнула.

– Вот и молодец, – Феликс поспешно обрадовался, словно с него сняли тяжёлый выюк, слегка потрепал её по волосам и вскочил со скамейки. – Я всё-таки принесу тебе чего-нибудь.

Он тут же исчез из вида.

Оставшись одна, Лаванда поглубже запахла свою курточку. Слабость и дурнота уже прошли, остался только лёгкий озноб.

Внимательнее теперь она осмотрелась вокруг. Да, точно, это был Турхмановский парк: вон фонтаны, по-прежнему отключённые, а за ними виднеется знакомое здание бывшего дворца. Лаванда улыбнулась ему.

Некоторые места в Ринордийске ей искренне нравились – это, скажем, – и было жаль, что город не принимает её пока, смотрит хмуро и недружелюбно, что она не может его понять, влиться во всеобщий поток жизни. Вот как Феликс, например... В этом городе он был, похоже, как рыба в воде. Трудно было и представить его вне всей этой суеты, вечного бега, шума улиц и вечерних огней.

Лаванда выпрямилась и уставилась вдаль – туда, где чернела ограда парка, но ограды она сейчас не видела. Ей вдруг чётко вспомнилось, что она почувствовала ровно перед тем, как начала терять сознание.

Над городом крылатой тенью нависла опасность. Это звучало в отражённом солнце и чёрных трещинах асфальта, тонкими эхами звенело в проходящих людях. Это нёс с собой невидимый ветер – холодный вестник далёкого ещё шквала, сметающего всё на своём пути. Люди не слышали его шёпота, не разбирали слов и даже не понимали, отчего тревожно на душе, почему зловещим веет тёплый и ясный день: они отворачивались, хмуря лоб, и спешили скрыться в сплетении улиц.

Кто же это? Всё-таки Софи? Или что-то другое, неизведанное?

Так же неожиданно, как исчез, Феликс вновь бухнулся на край скамейки.

– Вот, держи.

Он вложил ей в руки мандариновую воду и маленькую ореховую шоколадку. Лаванда улыбнулась:

– Спасибо.

По правде, ей не нужно было ни того, ни другого, но это было так трогательно с его стороны, что она не могла не улыбнуться.

– Послушай, Феликс...

– Да?

– Помнишь, мы говорили... – она вспомнила вдруг об осторожности и бдительно осмотрелась по всем сторонам. – Здесь не опасно разговаривать? – добавила она шёпотом.

Феликс тоже обернулся, окинул взглядом малолюдный парк.

– Без имён – можно.

– Когда мы говорили... тогда, у фонтана... Ты упомянул «чёрное время»... и сказал, что это что-то похожее.

– Ну да, – подтвердил Феликс. – Такое же время всеобщего страха. Ты и сама сказала, что что-то такое почувствовала.

– Но ведь... Сейчас совсем другое – сейчас же нет ни расстрелов, ни переполненных тюрем, ни даже каторжных работ. Тогда почему? Я тоже чувствую какую-то угрозу, опасность, как будто всё хорошее может закончиться в любой момент. Но почему? Отчего это так?

Феликс кивнул в знак понимания и, кажется, подобрал слова получше.

– Помнишь, я говорил тебе, что люди, которые стали неудобны, в итоге куда-то пропадают? – заговорил он.

– Да, я читала обо всех этих случаях в твоём архиве... Но многие из них погибали так, что почти невозможно было бы подстроить. Какое отношение к этому всему имеет она.

– А вот это самое интересное, – Феликс хитровато улыбнулся и снова мельком глянул по сторонам. – Если хочешь, я тебе расскажу. Только учти, тут замешана мистика.

– Ничего, – кивнула Лаванда. – Я привыкла к мистике.

– Тогда слушай...

17.

В очень далёкие времена – настолько далёкие, что они почти стёрлись из памяти людей и висели только призрачной серебристой дымкой, – в те века, когда Ринордийск был ещё мал и неказист и, свернувшись кольцом, недоверчиво посматривал на дикие леса вокруг, несколько человек бежало оттуда, из оплота всей возможной тогда безопасности, на восток, где разлеглись бескрайние и никем не заселённые территории. Кто-то говорил, что они бежали из рабства, кто-то – что от гнева некоего большого начальника, за что-то их невзлюбившего... Так или иначе, преодолев все трудности, беглецы добрались до горного края, где только острые скалы вздымались к небу и ветер свистел в лабиринте ущелий. Людей это вполне устраивало: здесь никто не стал бы искать их, а они бы уж как-нибудь обустроились. Жизнь в том диком и суровом мире вырастила их неприхотливыми.

Но не тут-то было. Горы только казались необитаемыми: здесь издревле кипела своя, тайная, совсем иная жизнь. Местные обитатели чутко охраняли свой край и были совсем не в восторге от появившихся чужаков.

Кем они были: духами этих гор, последними древними волшебниками или отделившимся на заре человечества одиноким племенем, что не утратило связи с колдовством, – этого уже никто не сможет сказать. Ясно одно: эти создания не желали просто так мириться с потревоженным покоем и собирались отстаивать свой дом.

Люди нашего мира и жители мира иного почти ничем не похожи, а потому война велась не оружием, привычным человеку. Поначалу переселенцам и вовсе показалось, что их соседи ушли куда-то, и это, конечно, вызвало немало веселья.

Однако, им лишь показалось. Обитатели гор затаились ненадолго, а затем нанесли внезапный и страшный удар. В ход пошло колдовство – древнее как мир, а потому особенно действенное. Это была та самая слепая сила, что толкает убивать, уничтожать всех без разбора, бесцельно, бессмысленно; что сметает всё на своём пути.

Колдовство посеяло раздор между людьми. И они не преодолели этой силы, поддались ей.

Они начали войну друг против друга – они, кого сплотили общая беда, долгий путь, все пережитые и будущие трудности. Они будто забыли об этом и в злобе и ярости бросались в смертельные схватки, один на другого.

Но, наверно, всё же добрая звезда улыбалась этим людям. Пятеро из них – самых мудрых и сильных духом, кто успел понять, что происходит и чем закончится постигшая их напасть, – общими усилиями сумели всё же подчинить колдовство себе: очертить его рамками, угостомить, сделать понятным и управляемым, почти ручным. Тогда они направили на горных жителей их же оружие и так смогли победить в этой войне.

Оставалось решить, что делать с приручённым колдовством. Вот оно, перед ними, и кажется – такое послушное, такое безопасное... Отпустить, пусть бредёт куда хочет? А если оно одичает и вернётся вновь? Уничтожить? Едва ли это под силу простым смертным. Заключить в какой-нибудь предмет, амулет, чтобы можно было всегда носить его с собой? Да, пожалуй, именно то, что нужно.

Но ведь амулет, в котором поселится это колдовство, будет столь же силен и столь же смертоносен. Какую огромную власть он даст владельцу! И если человек решит воспользоваться данной ему властью в своих интересах и всё подчинить себе, противопоставить ему будет нечего.

Тогда решено было разделить уничтожающую силу между пятью амулетами – по числу тех пяти человек, что смогли перехитрить горный народ и одержать победу. Каждый амулет был как бы слепком своего владельца и отражал главные порывы его души – то, что вело его по жизни. Серый графит – ясное понимание и трезвый расчёт, зелёная глина – живучесть и

умение приспособиться ко всему, красный кирпич – негибкость и железная воля, чёрный уголь – жажда справедливого возмездия и белый мел – связь с лунным миром, призрачным миром грёз.

Что было дальше со скитальцами, легенда умалчивает. Из этого можно заключить, что всё сложилось более менее хорошо.

Колдовские амулеты затем то и дело мелькали на страницах истории. Поговаривали даже, что в разные моменты они попадали в руки то одному, то другому государственному деятелю и, конечно, помогали им развернуть события в свою пользу. Впрочем, к нашему времени большинство амулетов утрачено и след их потерян...

– Интересная легенда, – сказала Лаванда, когда поняла, что Феликс закончил рассказывать. – Даже красивая.

Он кивнул:

– Да, это было бы только красивой сказкой, если бы не одно «но».

– Какое? – поинтересовалась Лаванда.

– Как минимум один из амулетов – чёрный уголь, жажда возмездия – действительно существует. И он дошёл до наших дней.

– Правда? – даже ей, всю жизнь стоявшей на грани мира реального и мира призрачных видений, сложно было поверить.

– Правда. Я не знаю, как... Никто, в общем-то, не знает, как это возможно. Но колдовской уголь есть, это по факту так. И хранится он у Нонине.

18.

Софи перекидывала ворох бумаг по столу. По крайней мере, так это выглядело со стороны – слишком быстро, слишком хаотично и уж наверняка бесцельно. Но Кедров знал, что нет, не так: позже всегда оказывалось, что Софи не только всё запомнила, но и успела сделать выводы и принять некие решения. Решения эти, правда, зачастую удивляли своей странностью и будто бы нелогичностью. На самом же деле, как не раз приходилось убеждаться, это была просто другая логика, неподвластная обычным людям. В предыдущие годы многие действия Софи, казалось, неразумные и не имеющие смысла, били в самую цель.

Иное дело, что и цель у Софи зачастую была другая, не как у обычных людей.

– Что думаешь, Эндрю? – лишь только мельком скользнув по бумаге, она, не глядя, сунула ему.

На сером отпечатанном листке тускло проступало:

«Ущерб на 29.03

государственных объектов: 0

жилых домов: 1

прочих построек: 5

человеческих жертв: 9

финансовые потери инфраструктуры...»

– Думаю, – медленно, параллельно обдумывая дальнейшее, проговорил Кедров, – это в пределах, но вокруг человеческих жертв возможна шумиха.

– Кто виноват, что они погибли? – ровно спросила Софи, просматривая уже какие-то другие документы.

Кедров несколько секунд вглядывался в немой профиль, пытаясь угадать правильный ответ. Затем уверенно заключил:

– Вертолётчики, конечно. Должны были действовать порасторопнее.

– А ещё?

Он подумал:

– Местные чиновники.

– Разумеется, – кивнула Софи. – Как думаешь, стоило бы отставить губернатора области?

– Да, конечно. Он должен немедленно подать в отставку.

– Немедленно не надо, – отрезала Софи. – Попозже. Когда с наводнением будет закончено и у них пройдет первый шок.

– Они наверняка потребуют виновника, как только очухаются, – согласился Кедров. – Тогда губернатор будет очень кстати.

Софи подняла на него взгляд, слегка усмехнулась:

– Надо же, идеально следуешь за моими мыслями. Прямо не знаю, зачем мне такая точная дублирующая система.

– Я не так быстро соображаю, как вы, Ваше Величество, – спешно попытался исправить положение Кедров. – Приходится повторяться.

Она снова усмехнулась, как будто снисходительно, и отвернулась от него к бумагам.

Привычка к стёбу и насмешкам осталась у Софи со времён их дворовой юности, когда у неё – младшей в компании, да ещё и девчонки, пусть даже пацанки, – не было никаких других способов хоть как-то повысить свой статус. Это потом уже у Волчонка появился револьвер и всё сопутствующее...

Впрочем, когда Софи стебалась, это давало повод относительно расслабиться: скорее всего, вам сейчас ничего не будет. Если вдруг она прекращала, это могло означать только одно: она что-то задумала.

Софи переложила ещё несколько документов, зависла над какой-то совсем мелкой запиской. На просвет Кедров заметил только написанные от руки латинские буквы. Софи раздражённо сдвинула брови, будто что-то в тексте ей не понравилось. Затем на лицо её напоздла хитроватая улыбка.

– Китти? – с чуть заметной ехидцей в голосе. – Ты хорошо училась в школе?

Китти Башева, сидевшая в своём углу так тихо, что можно было забыть о её существовании, тут же откликнулась, оторвавшись от компьютера, будто ждала этого вопроса:

– Да, Ваше Величество.

Софи облокотилась на стол, подалась вперёд:

– А вот мне почему-то кажется, что английский ты должна была подзабыть, – она как бы невзначай взглянула на записку в руке и протянула её вперёд. – На-ка, прочитай. Хочу проверить, поймёшь ли ты, что тут написано.

Китти плавно приблизилась к столу и приняла записку из пальцев Софи. (Эта подчёркнутая изящность и плавность в каждом движении всегда отличали её. Было в них, пожалуй, даже что-то неприятное).

Быстро пробежав взглядом по записке, Китти заговорила с дежурной улыбкой ведущей новостей:

– Здесь написано, что они не рассматривают нас как экономического партнёра по причинам...

– Это, допустим, я и сама вижу, – оборвала Софи. – Скажи лучше, почему эта записка лежит у меня на столе, когда должна быть в экономическом отделе и, копией, в отделе иностранных связей.

– Копии уже находятся там, – не моргнув, ответила Китти. – Но зная, что Ваше Величество предпочитает лично контролировать все важные дела, и полагая, что комментарий нашего основного партнёра достаточно важен, я посчитала нужным оставить оригинал у вас.

(То ли она действительно не понимала, что Софи ведёт с ней свою любимую игру в вопрос-ответ, то ли у этой девушки железные нервы).

Лицо Софи приняло задумчивый вид.

– Что ж... – протянула она. – Это, пожалуй, верно. Лучше всё проследить самостоятельно.

Она забрала у Китти записку, ещё раз взглянула на текст и недовольно скривила рот.

– Но меня раздражает эта латиница. Сбивает с мысли каждый раз, приходится переключаться. Китти, будь добра, перепиши по-нормальному. Надеюсь, – губы её вновь сложились в усмешку, – до конца перевести сможешь, без того чтоб я тебе диктовала?

– Конечно, – учтиво ответила Китти и, приняв записку, вернулась на своё место. Скорее всего, она уже догадалась – не могла не догадаться, – что Софи не знает английского, равно как и любого другого иностранного языка. Но на лице Китти это никак не отразилось.

(По правде говоря, Софи вообще не закончила школы: в те трудные времена были дела поважнее. Документы же появились много позже задним числом – на всякий случай).

– Просто напиши с обратной стороны, ещё бумагу на них тратить, – кинула Софи вслед секретарше, затем добавила с той же ехидцей. – Только, Китти, разборчиво. Чтоб можно было хотя бы понять, что это.

– Да, Ваше Величество.

(Если уж честно, Кедров всегда недолюбливал эту Мисс Безупречность, но вот к чему-чему, а к почерку Китти было сложно придраться).

– Всё приходится проверять самой, – вздохнула Софи. – Мои подчинённые ничего не понимают, а министры вообще никуда не годятся. Хотя... – она подпёрла кулаком подбородок и задумчиво уставилась вдаль, – может быть, и я на самом деле ничего не понимаю... Да, Эндрю?

– Вы отлично всё понимаете, Ваше Величество.

19.

– А это точно правда – про уголь? – недоверчиво произнесла Лаванда, когда они поднимались уже по лестнице в квартиру. – Постоянно же ходят разные слухи, ты сам говорил.

– Точно, – Феликс кивнул с видом человека, у которого есть совершенно неоспоримые доказательства, но который не видит смысла их приводить.

– Но откуда это известно?

– Это... ну, это сведения такого сорта, что особо и не скрываются. Давай дойдём сначала.

Оба замолчали и не произносили ни слова до того, как закрылась входная дверь квартиры и ключ дважды со звоном перевернулся в замке.

Феликс, пройдя в комнату и удовлетворённо подбрасывая всю связку на ладони, продолжил:

– Есть же разные виды «тайн». Что-то действительно скрывается, что-то не очень... Кое-что, наоборот, муссируется, чтобы массы знали, – например про то, что Нонине лично участвовала в боях на юге (я, впрочем, в этом сильно сомневаюсь). А вот, скажем, тот факт, что у неё поддельный диплом, – это как-то не очень удобно и как-то не вяжется с образом мудрой матери народа. Поэтому эта инфа действительно тайная. Хотя и её, как ты видишь, можно раскопать.

– Ну а уголь? – нетерпеливо напомнила Лаванда. То, что, в глазах Феликса, Софи есть собрание всех пороков, она и так знала.

– Уголь... Ну а зачем им скрывать про уголь? Это ведь даже играет на руку. Все знают, что в случае чего Софи стоит только написать углём имя человека и сжечь потом бумажку с этим именем – и всё, человека нет. Даже если она ничего подобного делать не будет, всё равно, страх – великое орудие власти.

– Написать и сжечь... – задумчиво повторила Лаванда. – Это так говорят, да? Похоже больше на детскую страшилку.

– Про «написать и сжечь» – это из той же легенды. Все амулеты действуют ровно таким же образом, – Феликс недовольно поджал губы. – А про то, что уголь у Нонине... Тебе не хватает всех этих исчезновений и таинственных несчастных случаев?

– Не особо, – покачав головой, призналась Лаванда.

– Ну хорошо, а то, что раньше уголь принадлежал Чексину? И вот это уже точно: это заявляли такие люди, которые не стали бы разбрасываться словами. (Разумеется, делали они это много позже и когда уже были на безопасном расстоянии). Думаю, амулет вполне мог перейти к Софи как трофеем.

– Ну, допустим, – Лаванда опустила на диван напротив его кресла и пожала плечами. – Но почему в таком случае она так редко им пользуется? За столько-то лет могла бы уже устранить всех недовольных и править теми, кто останется, так, как захочется.

– А смысл? – Феликс развёл руками. – Смысл править голыми камнями и сожжённой землёй? Они даже не смогут подтвердить, что ты ими правишь. А те, кто останутся... На всё согласная и вечно всем довольная кучка? Это неинтересно. Ей нужны живые люди. Человеков можно ломать, прогибать под себя, подчинять их...

Лаванда попыталась подавить смешок, но у неё не получилось:

– По твоим словам она выходит какой-то маньячкой и бесцельной садисткой.

– А почему бы и нет?

«А почему бы и да», – подумала Лаванда, но говорить этого уже не стала: с Феликсом было бесполезно спорить. Любопытно, однако, как в голове у кузена возникла такая странная конструкция побуждающих причин. Либо вычитал где-нибудь, либо, где-то в самых тёмных закоулках души, она была не вполне чужда и ему самому.

– И даже если Нонине удастся сместить с поста, уголь всё равно останется при ней, правильно я поняла? – спросила она вместо этого, чтоб как-то примириться и загладить несогласия.

– Именно что, – кивнул Феликс. – Даже если случится невероятное и мы её свергнем, она быстро вернёт себе власть обратно. И, конечно же, всё припомнит тем, кто был причастен.

Он ненадолго замолчал, затем усмехнулся:

– Только этого не случится. Никто не станет её свергать.

– А как же вы? – удивилась Лаванда. – Ты же говорил...

– Нас мало. Если бы люди поднялись и вышли на улицы... Но сейчас не та эпоха, – он покачал головой. – Они не поднимутся.

– Думаешь?

– Определённо, нет. Так что нам остаётся только болтовня. Надо же напоминать друг другу, что мы против, – Феликс невесело улыбнулся.

20.

Лаванда шла по старому коридору с довольно низким потолком и неровными обшарпанными стенами. Она специально пришла сюда, хотя и не думала, что это место будет таким мрачным.

Но ведь в любой момент можно остановиться и выйти отсюда, – напомнила она себе. Вернуться обратно – в обычный человеческий мир, где буднично гудит холодильник на кухне, а у окон тихо колышутся светлые шторы. Но перед этим ей надо было выяснить – ей надо было поговорить.

Лаванда не знала, насколько происходящее в сферах соответствует событиям реальным, но что-то подсказывало ей, что все эти картинки и образы не просто так – что в сферах, как в кривых стёклах, преломляется и отражается земная человеческая жизнь, только по-своему, в непривычном виде. А стало быть, разговор с человеком, с которым никак не поговоришь иначе, не будет громыханием бессмысленных звуков.

Медленно продвигалась она по коридорам. Те загибались, уходили в стороны, за угол, переходили один в другой, но почти не отличались друг от друга. Тёмные, заброшенные – похоже, это были чьи-то подвалы, хранящие горы ненужной уже утвари. У стен стояли бочки, какие-то коробки и ящики, валялось разное тряпье. Всё это копилось тут в беспорядке и уже покрылось пылью. Похоже, здесь давно не было людей.

Впрочем, нет. Лаванда быстро обернулась: ей показалось, что чей-то взгляд уставился ей прямо в спину. Но коридор позади неё был пуст.

Решив не выяснять пока, было ли что-то в действительности или почудилось, Лаванда двинулась дальше.

Коридор вновь загнулся, сузился и вывел на незастеклённую лоджию. Под ней угадывалось обширное и куда более просторное помещение с упиравшимися в потолок толстыми балками, с какой-то старой мебелью, которая, хоть и была в пыли, стояла с видимой упорядоченностью. Вниз вела винтовая лестница.

Пожалуй, туда. Лаванда осторожно шагнула на мелкие покатые ступени. Они были довольно высоки, и кое-где их края поотбивались. Время не щадило их, а они, в свою очередь, не пощадили бы того, кто был бы здесь недостаточно осторожен. Лаванда крепко вцепилась в перила, но им тоже не стоило доверять слишком сильно: очень уж хлипко и расшатано держалась вся лестница.

Она почти спустилась, когда – вот, снова – кто-то прошуршал там, наверху и застыл, остановился у ступенек. Был неподходящий момент оглядываться – был вообще неподходящий момент, чтоб таинственный соглядатай проявлялся сейчас. Чьё-то присутствие за спиной действовало на нервы и увеличивало шансы споткнуться и скатиться вниз. Приятного в этом наверняка было бы мало; Лаванда изо всех сил сжала перила пальцами. Ещё несколько шагов – и она стояла на деревянном, усеянном стружками и высохшими травами полу.

Здесь уже витал дух жилого помещения – пусть и жил в нём кто-то, кого крайне сложно было назвать человеком в привычном смысле этого слова. Тёмная деревянная мебель, столы, секретеры... Неожиданно в глаза бросилась завешенная тканью довольно высокая вещь – внизу, из-под складок материи виднелись деревянная рама и блестящий кусок стекла... Зеркало, догадалась Лаванда. Большое зеркало в человеческий рост. За спиной вновь зашуршало, кто-то быстро приближался к Лаванде, но она не стала уже оглядываться: только открыть зеркало – и всё, что позади, будет тоже видно. Лаванда шагнула вперёд, намереваясь сорвать ткань.

– Стой, – приказал голос за спиной.

Лаванда дёрнулась обернуться.

– Не поворачивайся, – сказал голос.

Лаванда застыла.

Шаги приблизились, остановились прямо за её плечом. В чужом дыхании задрожала прядь волос у уха.

Лаванда чуть повела головой в попытке скосить взгляд и хоть немного разглядеть неизвестного.

– Я же сказала, не поворачивайся! – взвизгнул голос – будто боялся чего-то и пытался это скрыть.

– Нонине, – поняла Лаванда. – Софи Нонине.

Итак, Правительница страны, та самая Крысиная королева и Её Величество, этот человек стоял за спиной у Лаванды. Пусть здесь, в мире грёз, но они наконец встретились.

– Как тебя зовут? – быстро и резко спросила Софи.

– Лаванда.

– Зачем ты здесь?

Она ответила медленно, выбирая то, что наиболее соответствовало правде:

– Потому что... эти люди... звали меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.